

Спасибо вам, люди!

Искренние
истории

Елена Кучеренко

Елена Александровна Кучеренко

Спасибо вам, люди!

Искренние истории

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73485623

Спасибо вам, люди!: искренние истории: Издательство ООО «Вольный

Странник»; Москва; 20121

ISBN 978-5-00178-064-9

Аннотация

Сборник рассказов Елены Кучеренко, москвички, выпускницы театроведческого факультета ГИТИСа, православной журналистки, мамы пяти дочек, наверняка порадует читателей, знакомых с ее творчеством. Автор пишет живо, с добрым юмором. В книге собраны истории о людских судьбах, о настоящих чудесах в жизни страждущих, о любви Господа к нам. Елена подмечает в обыденной жизни и делится тем, что не оставляет места для равнодушия, заставляет читателя и сопереживать, и смеяться, и задумываться. В статьях, которые были написаны в разные годы, она рассказывает о своем опыте многолетней матери, о радостях, горестях, ошибках и их осмыслении.

Для широкого круга читателей.

Содержание

Отец Евгений и его чада	6
Лидка-макияж	6
Как отцу Евгению на спор храм построили	19
Где попа заказать? Или как Аллочка Ивановна мужа в храм привела	36
Вовка-хиляк	57
Как Василий нашел свою Асклипиодоту	73
Сердце блудницы	97
Из жизни сельского батюшки	109
Отец Купидон, Володька Поцелуй Смерти и богиня молодости и любви	109
Конец ознакомительного фрагмента.	123

Елена Александровна

Кучеренко

Спасибо вам, люди!

Искренние истории

© Кучеренко Е. А., 2021

© Оформление ООО «Вольный Странник», 2021

Отец Евгений и его чада

Лидка-макияж

Отец Евгений – бывший мент. Его в том городке так раньше и называли – Женька-мент. А до этого был он Женькой-хулиганом. Такая у него богатая биография.

Из милиции он ушел, по его собственным словам, потому что «надоело закон нарушать».

– У нас ведь в городе как было... Если со своего участка дань не берешь и наверх начальству не даешь – долго не выдержишься. А как я нищих бабушек-торгашек обирать буду? Лучше бы хулиганом остался – все честнее.

* * *

Но это давно было... Уже много лет он священник. И очень необычный священник. Вокруг отца Евгения постоянно роятся какие-то асоциальные типы – наркоманы, бывшие (а иногда и действующие) уголовники, бродяги, гулящие девицы. Местные жители даже иногда посмеиваются, что все клиенты «ментовского обезьянника» плавно перетекли за батюшкой в храм. И чем сложнее «клиент», тем яр-

че его пастырская сущность. Он их спасает, воцерковляет, помогает, устраивает на работу, дает деньги, кормит-поит. Дома у него постоянно кто-то ночует. Я пыталась жалеть его мамушку, но она под стать своему мужу.

Эти асоциальные типы отца Евгения периодически «кидают», деньги пропивают, от работы отлынивают, потом возвращаются с повинной. А он и рад (странный человек!):

– Христос не к здоровым пришел, а к больным. Вот и надо человеку душу вылечить.

И все начинается сначала.

И глядь, через какое-то время бывший вор-рецидивист уже метет у бабушки церковный двор и ведет с прихожанами душеспасительные беседы. А бывшая блудница печет в трапезной пироги. И теперь она – многодетная мать. Не узнать...

Сколько же удивительных историй я от него слышала! К каким невероятным судьбам посчастливилось мне прикоснуться на его приходе! Со сколькими его прихожанами он меня познакомил, и мы до сих пор дружим. А все они как на подбор. Больше нигде таких, наверное, и не встретишь.

Иногда мне кажется, что Господь специально ведет к отцу Евгению всех этих людей. Потому что сердце у него чистое и душа открыта. Душа эта чувствует чужую боль. И видит то, что от других сокрыто. В каждом, самом опустившемся человеке видит он образ Божий и подобие Его. И идут к нему несчастные, покалеченные жизнью люди, никому не нужные,

всеми презираемые. И отогреваются. И становятся настоящими.

Идут и счастливые. Потому что не только пожалеть, но и радость разделить умеет отец Евгений. А это иногда сложнее, чем посочувствовать, – стать счастливым, потому что счастлив другой человек.

* * *

Когда-то давно появилась у него в храме Лида. «Лидка-макияж» скоро прозвали ее приходские шутники. Она была очень странная. Я ее видела всего два или три раза, но она очень запомнилась мне своей непривлекательностью.

Немолодая, несимпатичная и как будто бы грубо и впопыхах «слепленная». Все в ней было тяжелым и на вид – случайным. Маленькие бесцветные глаза совсем не подходили к выпуклому лбу. А маленький нос – к толстым губам и массивному подбородку. Грубые мужские руки. Короткие ноги... Она была очень ярко и очень безвкусно накрашена. И так же ужасно одета. Громкая и вульгарная. Казалось, она специально привлекает к себе нездоровое, а у некоторых – презрительное внимание. Даже в храме.

Тогда был какой-то праздник, и в трапезной были накрыты столы для прихожан и гостей. Сидела с нами и Лидка. Она много и залихватски пила – там были вино и коньяк. И почти не ела. Неприятно кокетничала, пошло шутила и сама

себе смеялась.

Многие, и я в том числе, недоуменно на все это смотрели. А отец Евгений как будто не замечал, что не к месту здесь эта странная женщина. У меня в голове именно так и вертелось: «Не к месту!» И хотелось отвернуться.

Батюшка ласково с ней говорил и даже ухаживал – положил что-то в тарелку, спросил, как ей здесь. Улыбался глупым шуткам и старался перевести тему, сгладив неловкость. И даже сделал какой-то комплимент. Меня поразило тогда, что он вел себя с ней как с дорогой гостьей.

– Кто это? – спросила я отца Евгения.

– Я расскажу...

* * *

Лиду отец Евгений знает давно, со времен своего милицейского прошлого. Она была спекулянткой. Купи-продай. Тогда это бизнесом еще не называлось. И у нее очень неплохо получалось. И была она женой Ваньки – завсегдатая «обе-зьянника». Там ее будущий батюшка и видел, когда она приходила мужа вызволять.

Была Лида хваткой, острой на язык. Красотой и тогда не отличалась, но привлекала к себе разухабистостью, невероятным обаянием, юмором, бьющей через край любовью к жизни. И легкостью, с которой она по этой жизни шагала. Этим она и понравилась Ивану. Да так понравилась, что он

на ней женился.

Бандитом он не был, но подраться любил. И выкинуть что-нибудь эдакое. Обладал Иван силой богатырской, и не зная, куда ее применить, то скамейку с корнями во дворе вырвет, то дверь в подъезде в шутку с петель снимет. Ну или кулаками махал. И любил легкость и веселье, как и Лида. И на гармошке играл – заслушаешься.

Жили они хорошо. Не без скандалов, конечно, у кого их не бывает. Были хлебосольными. Дома у них постоянно собирались гости, плясали, пели, расслаблялись. Всем нравилась радостная и ненапряжная атмосфера этого дома. И все

говорили, что за таким силачом, как Ванька, Лидка-спекулянтша как за каменной стеной.

А потом Лида забеременела. Ждали ребенка тоже легко и радостно, как и жили. И под гармошку провожал Иван жену в роддом. И так же собирался встречать.

* * *

Но Лиду Иван не встретил. Ее никто не встретил. Что-то пошло не так. Подробностей отец Евгений не рассказывал. Знаю только, что рожала Лида долго и мучительно. Выдавливали ребенка, тянули. Потом долго лежал сын в реанимации на грани жизни и смерти. Но не умер.

– Может, хуже, что выжил, – сказала Лиде старенькая уборщица. – Всю жизнь теперь тебе мучиться с калекой.

Иван мучиться не захотел. Когда Лида с сыном еще были в больнице, узнав обо всем, пил он несколько дней беспробудно и крушил все вокруг. Так и попал опять в милицию.

– Кричал, что сын у него больной, – рассказывал отец Евгений, тогда еще Женька-мент. – А я сам молодой был. Не знал, что и сказать... Потом выпустили его...

И пропал Иван из города. И из Лидиной с сыном жизни. Не захотел пускать в свою «легкость бытия» больного ребенка. Даже гармошку не прихватил. Так и осталась она валяться на полу. Впопыхах собирался, как вор. Вот и вся сила богатырская.

Вернулась Лида из роддома в свой дом. Положила Петьку (так сына назвала) в давно еще заботливо купленную кровать. Осмотрелась. Подошла она к окну – за ним все было, как раньше. Спешили куда-то люди, пели птицы, бегали и смеялись дети. А в кровати лежал сын, который никогда не сядет, не встанет и не побежит.

Захлопнула Лида окно. И захлопнула свое сердце от этого чужого счастливого мира. Теперь ее мир – эта комната. Где недавно еще было легко и ненапряжно. Где пели песни, пили и плясали. А теперь холодом дышали стены и тоннами давил потолок. Ее тюрьма.

* * *

В первые годы еще было терпимо. Петя просто лежал в своей кровати и редко плакал. Конечно, с ним было сложнее, чем с обычными детьми. (Но Лида других детей и не знала.) Он часто болел, и они нередко бывали в больнице. Он был худым и невесомым. И она без труда вывозила на улицу коляску и много гуляла с сыном.

Но это физически. А вот душа... Сначала душа ее на что-то надеялась. Лида пыталась заниматься с Петькой, но скоро стало ясно, что все это бессмысленно. Сын будет лежачим и никогда не скажет ей: «Мама».

Заходили иногда подружки из «прошлой» жизни. А потом перестали – теперь они друг друга не понимали. Исчез-

ли из Лидиной жизни люди, исчезли праздники и гулянки. Осталось только: покормить, переодеть, дать лекарства, вывезти на улицу, упасть ночью в кровать, вспомнить Ивана и рыдать горячими, ненавидящими бывшего мужа слезами. Вспомнить жалкую, слабую улыбку Пети в никуда и опять рыдать. И забыться к утру. Один день как две капли похож на другой. И так будет всегда.

Она даже просто выйти куда-то одна могла очень редко. Когда заходил посидеть с внуком старенький отец, Сергей Семенович. И эти короткие прогулки стали ее отдушиной...

* * *

Шли годы... Отец Лиды совсем состарился, и ему самому нужен был уход. Она взяла его к себе, не могла разрываться на два дома. Теперь у нее на руках было два больных человека.

Петька вырос. Он так же лежал. И так же кормила она его с ложки и меняла памперсы. Только выйти с ним на улицу стало большой проблемой. В их старенькой пятиэтажке не было лифта, а в городке том о пандусах и доступной среде слышали только по телевизору. Инвалидов там видели мало. И многие воспринимали их как заразный для окружающих результат порчи, сглаза и прочих проклятий.

Тяжело было и Сергею Семеновичу. Он почти уже не ходил. И не хотел.

Лида, стиснув зубы, тащила их на себе. То одного, то другого. Мозолистыми, мужскими стали ее руки. А ноги под тяжестью как будто вросли в землю. Она даже уже не плакала. Стала душа выжженной пустыней. Просто несла она на себе этот крест молча, никому не жалуясь. Изодня в день. Это стало ее обыденностью, ее единственной реальностью. То, от чего сбежал Иван.

Отец жалел ее, как умел. И однажды сделал то, что казалось ему самым лучшим. Выпил горсть таблеток, чтобы уйти и снять с плеч дочери хотя бы одну ношу. Сам он ей помогать уже давно не мог. Лида вовремя заметила, и Сергея Семеновича увезли в больницу. Он поправился.

Там Лиду и встретил отец Евгений. Он пришел причащать какого-то больного. Узнал он ее не сразу, хотя эта женщина показалась ему смутно знакомой. Вспомнил только когда она представилась врачам.

– Лида? Лида, это ты? Ты меня не узнаешь? Я – отец Евгений. Ну, Женька-мент. Ты еще за Иваном приходила. Как он?.. Он про ребенка говорил...

Долго рыдала у него на плече Лида. Впервые за годы она по-настоящему плакала. Этот человек из прошлого всколыхнул в ней все то, о чем она пыталась забыть. Те далекие дни, когда все было легко и радостно, когда не тащила она, а жила и дышала.

Но не только для этого опять привел Господь отца Евгения в ее жизнь. Он привел, чтобы взял этот человек ее за

руку и повел в жизнь будущую. Еще здесь, на земле. Я в этом уверена, случайного ведь ничего не бывает. Чтобы задышала опять Лида, чтобы проснулась душа и зажглись глаза.

– Казалось мне тогда, что умерло у нее все внутри, – вспоминал отец Евгений. – Но смотрел я на ее смешной начес, нелепый яркий макияж, который она размазывала по лицу, безвкусную, павлинью одежду и понимал, что так она цепляется за эту жизнь. Она уже забыла, как это – быть женщиной. Но сквозь боль, сквозь ежедневный надрыв подсознательно прорывалось вот это – девочка, которая хочет быть красивой, хочет нравиться. Вопреки всему. Но не умеет.

Тогда я не поняла этого... Какой марафет, если у тебя больной ребенок? Поняла потом, когда у меня родилась Маша с синдромом Дауна.

* * *

Вначале я очень бурно и болезненно переживала рождение такой дочери. Мне хотелось уйти, убежать, спрятаться от всех. От этой благополучной, счастливой жизни. Жизни других! Которая почему-то не остановилась в немом ужасе, а идет своим чередом. Люди, как и раньше, влюбляются, женятся, обсуждают какую-то ерунду. А меня в этой жизни уже нет...

Сейчас все давно хорошо. Но тогда было так.

А потом мне захотелось дышать. Дышать сквозь ту боль,

смеяться сквозь те слезы. Выглядеть так, чтобы на нас смотрели не с жалостью, а с восхищением. Мне хотелось кинуть вызов моей беде. Как мне тогда казалось – беде. И хотелось опять стать частью той, «не моей» счастливой жизни.

Это покажется глупым, но таким частым посетителем салонов красоты, как тогда, я не была больше никогда.

А потом я рыдала... Когда однажды в салоне я попросила все сделать побыстрее и объяснила про Машу, а какая-то посетительница, услышав, сказала:

– Если у вас ребенок-инвалид, нужно расставлять приоритеты.

А я просто хотела быть женщиной, вопреки всему...

Вся эта боль давно уже прошла, и сейчас я очень счастливый человек. Иногда мне кажется – самый счастливый.

Но, дорогая моя Лида, как же я тебя сейчас понимаю... И как же я хочу опять тебя встретить.

И вспоминается мне, что тогда, в трапезной, когда все морщились от твоих глупых шуток и вульгарного вида и я тоже, какая же мольба была в твоих глазах: «Видите, я еще жива!» И ты пыталась быть веселой, смеяться и шутить сквозь нечеловеческую боль.

А еще потрясает меня сейчас, каким же бережным был с ней тогда отец Евгений. Человек с огромным и таким чутким сердцем.

Лида начала ходить в храм к отцу Евгению. Наряжалась долго и старательно. И остроумцы прозвали ее Лидка-макияж. А батюшка оберегал ее от неосторожных слов и едких замечаний. Скоро все успокоились и привыкли.

Он часто причащает на дому Сергея Семеновича и сына. А иногда их, при помощи прихожан-мужчин, привозят на службу. Батюшка организовал помощь от прихода. Теперь у Лиды дома часто бывают женщины и ухаживают за ее больными. Это уже не первый раз, когда церковь та опекает такие семьи. И ожила она. Ведь человеку так мало надо. Капля любви и внимания. И понимать, что не один он со своей бедой.

А еще на приходе том есть Михаил. Мишка-холостяк. Ему пятьдесят шесть, и он никогда не был женат. Когда-то давно, когда служил он в армии, бросила его невеста. И больше он к женскому полу с романтическими намерениями не приближался.

По профессии Михаил – слесарь, и по просьбе отца Евгения он несколько раз приходил к Лиде домой. Что-то подправить, починить.

А потом начал приходиться и сам. С Петькой помогает, с Сергеем Семеновичем подружился на почве разговоров о рыбалке.

И рассказывает отец Евгений, что меняется рядом с ним Лида. Хлопочет, пытается угостить, смущается. И из усталых ее глаз проглядывает та самая девочка, которая хочет нравиться. Не всем уже. А только одному.

А Михаил покашливает в кулак и говорит грубовато и деловито:

– Завтра зайду. Раковина вон шатается. Мужика на вас нет...

– Тоже мне хозяин! – с улыбкой хорохорится она.

И видно, что это та самая Лидка – разухабистая и острая на язык.

И хочется мне верить, что к чему-то все это приведет. Что закончится счастливо эта история.

Михаил, конечно, не чета Ивану. Мелкий, щуплый, кажется, что соплей перешибешь. Но ведь не в мышцах мужская сила. Так ведь? А то, что на гармошке не играет... Так это дело наживное.

А отец Евгений, когда я его о Лиде с Михаилом спрашиваю, только улыбается и говорит:

– Оставь это Господу. Он знает, что делает... У Него ошибок не бывает.

Батюшка всегда так говорит.

Как отцу Евгению на спор храм построили

Отцу Евгению отстроили его храм на спор. Была у него и такая история. Тогда его, еще молодого и неопытного священника, назначили настоятелем в бывший клуб. Точнее – в непонятное, полуразрушенное помещение, расписанное по стенам словами из трех букв, «Здесь был Вова» и «Ленин жив!».

Оно и клубом-то было лет десять назад. А теперь из покосившейся крыши торчали молодые деревца, а в развалинах ютились бродячие собаки и играли дети.

Периодически кто-то там травмировался, кто-то ломал ноги, на кого-то падал кирпич. И местные власти с огромным удовольствием передали Церкви этот объект повышенной опасности. Чтобы, с одной стороны, снять с себя ответственность, а с другой – продемонстрировать народу, что они тоже уважают разного рода мистицизм, который в те годы начал входить в моду.

* * *

До отца Евгения пытался обосноваться там отец Владимир. О нем я хочу рассказать отдельно. Приехал он в

эти края с Западной Украины и за несколько лет поменял несколько приходов. В одном селе не ужился он с местным начальством. Точнее, он-то ужился. Но не срослось у его матушки Софии с женой главы их населенного пункта.

Обе были женщинами сильными, боевыми и властными, любившими почет и уважение. Если честно, то даже отец Владимир побаивался своей громогласной, активной и крупногабаритной супруги, вникающей в любую приходскую мелочь и пытающейся взять под свой контроль все, что можно взять.

Единственным неподвластным ей местом был алтарь, и батюшка отсиживался там время от времени, размышляя о вопросах бытия и превратностях судьбы. И тайно вздыхая о том, что когда-то не прислушался к совету своего духовника и не принял монашество. А матушка всеми способами пыталась его оттуда выманить и дать очередное ценное указание, как лучше наладить их приходские будни. И часто было непонятно, кто из них настоятель – он или она.

Жена сельского головы, в свою очередь, считала себя местной владычицей и также стремилась все контролировать, включая церковную жизнь. То ей хор недостаточно виatieвато пел, то не мягки были просфоры, то в трапезной не то подали, то священник не то ей сказал на исповеди.

Когда же матушка София пыталась возразить, Зинаида Степановна (так звали прекрасную половину головы) пренебрежительно от нее отмахивалась:

– Вы идите-идите... Это наше с батюшкой дело.

А потом пеняла прихожанкам:

– Что вы с ней все: «Ах, матушка, матушка...» Она ж просто баба! Такая же, как вон Нюрка-уборщица.

Узнав об этом, матушка София стерпеть уже не смогла.

– С каких это пор мирские духовенству указ?! – наступала она на Зинаиду Степановну.

Ну и слово за слово, на приходе начинали дрожать стены. А отец Владимир с сельским головой старались в эти моменты не попадаться под руку своим благоверным и издалека посматривали друг на друга с пониманием, сочувствием и явной симпатией.

В итоге двум представительницам прекрасного пола стало слишком тесно в одной местности, и матушка София убедила отца Владимира поговорить с владыкой о переводе на другой приход.

* * *

Старенький владыка Симеон, вздыхая, выслушал батюшку, который, по возможности смягчая, рассказывал обо всех этих злоключениях.

– Да... Женщины, – задумчиво произнес владыка.

Сам-то он монахом был, женщин близко никогда не знал. Но имелась у него младшая родная сестра Галина, семидесяти лет от роду. «Галочка», как называло ее между собой

местное духовенство.

Галочка никогда не была замужем, но не очень об этом жалела. Как и владыка Симеон, мирским утехам она предпочитала все духовное. Однако не настолько, чтобы «похоронить» себя в монастыре. В итоге она решила посвятить свою жизнь брату, которого с детства считала тюфяком и рохлей.

«Нашли, кому доверить епархию», – думала она про себя.

Но и гордилась, что братец ее – целый владыка. И уж тут-то она ему поможет. Мало какие важные церковные вопросы решались в тех краях без участия Галочки. Не потому, что владыка Симеон не мог разобраться сам. Он мог. Но по природному своему мягкосердечию сестренку жалел и отстранить от дел не решался.

Галочкиного расположения искали священники и их жены. Ее старомодные седые букли мелькали то на одном приходе, то на другом. Встречали ее не менее торжественно, чем самого владыку. И вместе с милыми подарочками подсовывали и прошения на имя епископа. Знали, что имеет она на брата большое влияние. И в этом влиянии она была весьма настойчива. Хотя иногда и владыка Симеон мог ей свой характер показать. Но это в очень принципиальные моменты.

В общем, вздыхал старенький владыка, то ли вспоминая свою родную Галочку, то ли просто сочувствуя отцу Владимиру с его горячей матушкой. Но в итоге перевод благословил.

А в вечер накануне отъезда собрались тайно от жен отец

Владимир с сельским главой. Выпили, повздыхали о своей нелегкой мужской доле, посокрушались, что не сладилось, а ведь все могло бы быть так хорошо и душевно. И крепко обнялись на прощанье.

* * *

На другом приходе по той же самой причине не срослось у матушки Софии с женой местного богатого бизнесмена и благотворителя, на чьи деньги, собственно, и было построено то «сооружение культа». Сам-то бизнесмен был исключительно материалистических взглядов на жизнь. Но вот горячо любимая супруга его неожиданно уверовала и захотела храм. Ни больше ни меньше. Так зарегистрировалась в тех местах община, и появилась маленькая церквушка, в которой на самом деле местное население очень нуждалось. Ближайшая находилась за десятки километров. Ну и направили туда настоятелем отца Владимира.

Беда только, что жена мецената в этом храме ощущала себя полноправной хозяйкой. И власть свою с матушкой Софией, которая сразу не приглянулась ей своей чрезмерной активностью, делить не собиралась.

Тут уже бизнесмен по настоянию своей супруги поехал к владыке Симеону и убедил его, что для их общины больше подойдет монах. Во избежание женской внутривидовой конкуренции.

Старенький владыка опять повздыхал и отправил отца Владимира с его неугомонной супругой в тот самый «клуб», где о назначении здания напоминал лишь крест, воздвигнутый неподалеку, а службы шли под открытым небом. Из прихожан были две-три старушки, которые по причине своей древности в управлении приходом настоятельнице конкуренцию составить никак не могли.

Но очень скоро матушка стала тяготиться вечным безденежьем. И как далеко отправил их многотерпеливый владыка Симеон после очередного прошения, я уже не знаю. А на приход этот благословил он отца Евгения. Тогда еще совсем молодого, служившего всего несколько лет.

* * *

Если честно, тем двум-трем местным бабулькам, составлявшим приход, их новый настоятель сначала не глянулся. В их представлении настоящий батюшка должен быть голосист, степенен и объемен. А отец Евгений уродился невысоким, шустрым, худосочным и не басовитым. Никакого благолепия, в общем. И матушка его Ирина под стать – мелкая, конопатая, и улыбка до ушей. Недоразумение, а не матушка.

Да и помнили они еще те недалекие времена, когда был он не отцом Евгением, а местным участковым – Женькой-ментом. И как-то не укладывалось у бабушек в их консервативных головах, что тому, кто еще недавно в свисток свистел,

«как скаженный», они теперь руку должны целовать.

Рассудили все же бабульки, что, раз один батюшка уже сбежал, Бога гневить и возмущаться не стоит. Мало кто здесь в этом нищем и совершенно «бесперспективном» храме-клубе служить захочет. Так пусть хоть этот худосочный со своею конопатой матушкой остается. Но очень скоро полюбили они своего настоятеля. И каждый день Господа благодарили, что его сюда мудрый владыка Симеон определил, а не кого-то другого.

Уже тогда было видно, что необычный это батюшка. Таких даже среди духовенства редко встретишь. С такой радостной, чистой и искренней верой. И настоящей, евангельской любовью к Богу и людям. Когда смотришь на него и отражение Христа видишь. Наверное, поэтому тянутся к нему сырые, убогие и обездоленные. Настоящего тепла ищут.

Замазали отец Евгений с матушкой Ириной непотребные надписи на стенах. Иконки кругом развесили. Что могли – своими руками починили. И начались в бывшем клубе службы. Он – в алтаре, она – на клиросе. Двое деток, маленьких тогда еще – на лавках спят. А через какое-то время и народ подтянулся. Молодые пришли. Люди ведь чувствуют, где настоящее. И закипела на «бесперспективном» приходе жизнь.

* * *

Печалило только отца Евгения, что в развалинах этих

приходится служить, с прохудившейся крышей. Зимой внутри не теплее, чем на улице. А во время дождя по всему храму ведра расставляли, чтобы вода сверху на пол не капала.

– А однажды случай был, – вспоминал недавно батюшка, – покойничка отпеваю, почти столетнего дедушку. Вокруг родственники скорбящие. Дети, которым самим под семьдесят. Внуки, правнуки. Даже праправнучка одна. И вдруг сверху кирпич летит и прямо дедушке почившему в лоб. Я окаменел сначала, потом прощения стал просить. В такой момент и такая оказия. А родственники: «Ничего-ничего. Главное, что не по нам. А дедуленьке нашему хуже уже не будет. Продолжайте».

В общем, условия невыносимые. Храм отстраивать надо, а денег нет. Прихожане, конечно, помогают, чем могут. Но не богатый городок, всем непросто. А тут еще владыка Симеон в очередной приезд отца Евгения в епархиальное управление пенял по-отцовски:

– Ты, батюшка, молись побольше, не ленись. Будет молитва, и храм у тебя будет.

А отец Евгений и так, единственный из местных священников, каждый день служил. Другие – по воскресеньям да большим праздникам. Все вокруг удивлялись – что за подвижник такой выискался. Вроде не монах, не схимник. Семейный, при матушке молодой. А все время в храме. Может, грех какой сугубый отмаливает?

И решил отец Евгений помимо молитвы еще и по потен-

циальным благотворителям походить. Не очень любил он это дело, но выхода другого не видел. Перво-наперво пошел он в миську раду – местный совет депутатов. Но там от него сразу отмахнулись:

– Ой, у нас выборы на носу, не до этого. Приходите с вашим Богом месяца через два. Но денег все равно не будет.

Попытал отец Евгений счастья и на местном заводе железобетонных конструкций. Если не денег, так, может, конструкцию какую для храма пожертвуют.

Только упустил он из виду, что директор – старый его знакомый. Еще по «ментовским» временам. Нет, сам директор по фамилии Крисюк закон если и нарушал, то без наглежа. Мэру знал. А вот сын его, Васька, наркоманом был и гоп-стопом не гнушался. Чтобы на дозу «заработать». И не раз отбивал пятнадцать суток у отца Евгения (тогда еще Женьки-мента) в «обезьяннике».

Папа Васьки пытался сына у будущего отца Евгения выкупить, взятку предлагал. Сам-то он считал, что отпрыску его не вредно будет и на подольше загреметь. Но вот супруга его сильно о сыне печалилась. А Женька-мент взятки не брал. И в итоге Василий и вправду укатил в места не столь отдаленные.

– Раньше надо было деньги брать, – мстительно сказал директор Крисюк. – А теперь не дам.

И лицо его приняло железобетонное выражение.

Ну и везде так. Не по этой, так по другой причине отказывали отцу Евгению в помощи. Отчаялся он и собирался уже завязать с поиском благодетелей, как вдруг понял, что стоит как раз напротив местного милицейского управления. А начальник – бывший его руководитель, когда батюшка еще участковым был. С той поры не виделись. Но главный городской милиционер постоянно в телевизоре мелькал. Поэтому отцу Евгению его судьба была известна.

«Может, у него счастья попытать? – подумал батюшка. – Все же у милицейских начальников везде связи».

И сам начальник тут как тут – подъехал на своей служебной машине.

– Игорь Анатольевич! – окликнул его священник.

Так его звали.

Но мужчина рассеянно окинул его взглядом и уже хотел пройти мимо. А потом вдруг развернулся и направился к отцу Евгению:

– Вот скажите, святой отец, Бог есть?

– Конечно, есть Бог. Но я не святой отец. Не принято так у нас. А вы меня не узнаете?

Главный городской милиционер присмотрелся.

– Женька, ты?.. Вы?.. Как называть-то тебя теперь?

– Да как удобно. Можно отцом Евгением. А можно и

Женькой. Я не против. Я к вам как раз хотел... А почему вы про Бога спросили?

– Да потому, что думаю – нет Его...

Тут только отец Евгений увидел, что у Игоря Анатольевича красные, как будто заплаканные глаза.

– У вас что-то случилось?

– Дочь у меня умирает! Единственная. Если бы твой Бог был, Он бы разве допустил?

И огромный, сильный мужчина заплакал, как ребенок.

* * *

Уже больше получаса разговаривал отец Евгений со своим бывшим начальником в его кабинете. Параллельно Игорь Анатольевич пил коньяк, и язык его начал немного заплетаться. И все чаще повторял он:

– Ну и где твой Бог? Где?!

Узнал батюшка, что дочь его, десятилетняя Верочка, сейчас в коме. Сбил ее автомобиль. Причем не виноват был водитель. Случился у него сердечный приступ, потерял он управление и за рулем умер. Двое детей сиротами остались.

И насчет Верочки прогнозы у врачей самые неутешительные. Если и выживет, то ни ходить, ни понимать ничего не будет. Но и шансов, что в себя придет, мало. Очень серьезными были травмы.

– Она крещеная у вас? – спросил отец Евгений.

– Крещеная, все как положено.

– А причащали давно?

– Да когда нам причащать-то... Ты-то зачем приходил?

Вроде сказал что-то.

– Средства на храм ищу... Но это не важно уже. К дочке-то в больницу пускают? Я бы соборовать ее мог. Вместе молебен бы отслужили.

– Да зачем все это? Тут лучшие врачи руками разводят, а ты со своими молитовками.

– Надо молиться. Обязательно! Милостив Господь!

– Ну все, хватит! Нет Его, нет! Бога твоего.

И Игорь Анатольевич опрокинул еще одну рюмку. А потом положил голову на руки и замолчал. Молчал и отец Евгений.

– Знаешь что, – сказал вдруг мужчина. – Чем черт не шутит...

Молодой батюшка испуганно перекрестился...

– Поехали, будешь молиться своему Богу! И если выздоровеет дочь, я тебе храм построю!

– Да при чем здесь это! – отмахнулся отец Евгений. – Вместе будем Бога просить. Что человеку невозможно, Ему возможно. А храм... построится как-нибудь. Господь управит.

– Не веришь мне! – рявкнул пьяным голосом Игорь Анатольевич. – А спорим, построю?

И схватил отца Евгения за руку и затряс ее. Тот даже отдернуть не успел.

– Спорим – спрашиваю?.. И поверю тогда, что есть твой Бог!

– Как у меня сердце тогда разрывалось, – вспоминал отец Евгений. – На горе, слезы Игоря, жены его Надежды смотреть. Долгожданный ребенок, поздний. Оба в возрасте уже. Радость их единственная. Надя у кровати на коленях стояла. Молилась или нет, не знаю... Только шептала: «Девочка моя! Лучше пусть я умру...» А я, как мог, Бога просил: «Ну Ты же все можешь, сотвори чудо! Утешь этих родителей. Не посрами, Господи! Пусть узнают они любовь Твою».

Соборовал девочку батюшка, молебен отслужил. Причастить не мог. Она на ИВЛ была, без сознания. Дома рассказал все жене своей Ирине.

– Богородице буду молиться, – сказала матушка, – Она же Сама Мать.

Через несколько дней Игорь с Надеждой к отцу Евгению в храм пришли. Зачем, и сами не знали. Но как будто легче им там становилось. Потом опять и опять. На иконы смотрели, думали о дочери своей. С прихожанами познакомились, с матушкой Ириной – удивительным, светлым человеком, под стать своему мужу. Она к Наде домой стала заходить. Вроде ничего особого не делала, не проповедовала. Просто чай нальет, посуду помоев. Или молча сидела рядом. Вместе плакали, вместе надеялись.

– И мне в те минуты казалось, что все будет хорошо, –

рассказывала потом Надежда.

А отец Евгений молился. И весь приход вместе с ним. И в один из дней прибежал в тот храм Игорь:

– Батюшка (впервые так его назвал), Верочка в себя пришла! Слава Богу!

* * *

К огромному удивлению врачей, девочка быстро пошла на поправку. Она все понимала, говорила. Сначала с посторонней помощью садилась, потом начала потихоньку ходить.

Вместе с Игорем и Надей радовались и батюшка с матушкой. Не только горе, но и счастье разделить они умеют. О споре том дурацком, который Игорь пытался ему навязать, и пьяном обещании отец Евгений еще тогда, в тот самый день забыл. Не до того ему было. Только Бога просил, чтобы беду отвел. И услышал его Господь. А потом неожиданно подъехали к храму грузовики с кирпичом, стройматериалами, рабочими.

– Принимай, отец, работников! – весело крикнул Игорь. – Церковь будем строить! Есть Бог!..

Так и появился вместо разрушенного клуба красивый храм. Небольшой, но уютный...

Много лет уже прошло. Рядом выросли трапезная, воскресная школа – лучшая в том городе. Вместе с матушкой Ириной преподает там и Надежда. Она же историк по обра-

зованию. Игорь уже на пенсии. Теперь он староста на том приходе. И всем рассказывает:

– Храм наш я на спор построил. Проспорил я тогда ба-
тюшке. Есть Бог! Как же я раньше этого не знал?!

– Не на спор, а Господу в благодарность, – поправляет его
отец Евгений. – Великое это дело – Бога благодарить. Мы же
только просим...

А недавно в том храме батюшка венчал Верочку. Выросла
она уже. Красавицей стала, умницей. На радость своим ро-
дителям. О той страшной аварии только пара шрамов напо-
минает.

И вот еще что, стоит она часто у иконы святителя Луки
Крымского – ее любимой. Отец Евгений в те страшные дни
ему много о ней молился. И однажды девочка увидела де-
душку в очках. Он стоял напротив ее кровати и улыбался.
Может, приснилось ей, показалось, а может, и правда был
старичок. Но хорошо запомнила его Верочка. И потом на
иконе той в храме узнала. И полюбила на всю жизнь этого
святого.

Где попо заказать? Или как Аллочка Ивановна мужа в храм привела

Аллочку Ивановну, а для приближенных просто Аллочку, я впервые увидела лет четырнадцать назад на приходе у отца Евгения.

Это потом она стала поваром в храмовой трапезной, а ее борщи, пироги и карасики в сметане славились по всей епархии. Сам владыка после визитов туда и местной «хлеб-соли» ставил ее в пример своим кухмистерам. И даже не раз пытался переманить Аллочку, но она, ссылаясь на больное сердце, всегда оставалась верна отцу Евгению.

Маститые и чем только не дипломированные архиерейские стряпуны хотя и уязвлялись в глубине души, но периодически звонили ей и «стреляли» рецепты. Только это между нами...

Но это потом. А тогда, четырнадцать лет назад...

Тогда я, беременная своей первой дочкой Варварой, сидела в церковной лавке на подворье у отца Евгения и пила чай с Верочкой, храмовым бухгалтером и по совместительству продавщицей в церковной лавке.

С той поры мало что изменилось. Каждый раз, приезжая в тот городок, я забегаю к ней, мы радостно обнимаемся и садимся чаевничать. Ну и сплетничать – чего уж греха таить. Как и Аллочку, все ее почему-то называют уменьши-

тельно-ласкательным именем. Хотя Верочка – женщина видная, ростом под метр восемьдесят, обширная и весьма громогласная. Добродушная, но резкая. Может и «эмоционально распоясаться». И многие ее, честно говоря, побаиваются.

В тот день Верочка была в своей грозной ипостаси и ругала на чем свет стоит завхоза Петра Тарасовича за то, что тот купил какую-то дорогую плитку для церковного двора. Но это их вечные истории.

– Разорил храм, ирод, не мог дешевле найти. Тут за каждую церковную копейку бьешься!

А Петр Тарасович и правда не мог. Любил он храм и во всем, что касалось его работы, был перфекционистом. Плитка – так самая лучшая. Чтобы на века. Во славу Божию!..

Я мудро помалкивала, потому что в такие моменты Верочке собеседник в принципе не был нужен. Ну и знала я, что добродушие в ней все равно победит. И даже была уверена, что случится это в ближайшее воскресенье перед исповедью. Грозная бухгалтер сменит гнев на милость, они с завхозом троекратно на весь храм расцелуются, растроганно всплакнут, как это всегда бывало, и мир будет восстановлен. По крайней мере, до какой-нибудь следующей завхозовской покупки.

А пока Петру Тарасовичу лучше не попадаться ей на глаза...

В общем, сидели мы, пили чай... Вдруг дверь резко запахнулась, и на пороге предстала женщина... С лопатой!

– Так! У меня два вопроса! Первый! Где у вас тут по па заказать? – почти выкрикнула. – Похороны! – И для убедительности взмахнула своей лопатой, задев при этом полку, с которой едва не посыпались книги. – Простите, на дачу спешу. – И подровняла полочку. – Так где попов-то заказывают?

Я предательски поперхнулась своим чаем и на всякий случай отодвинулась подальше от лопаты.

– Вам батюшку с кладбищем или без? – без тени смущения уточнила Верочка, опытный церковный «менеджер», понимающий с полуслова клиентов любой сложности.

– С кладбищем, конечно, – ответила дама. – Ну и всеми прибабасами...

Из их последующей беседы я поняла, что у дамы с лопатой есть кума, у которой скончался муж. Нужно заказать отпевание, а затем литию на могилке. Последнее и означало – «батюшку с кладбищем».

– А какой ваш второй вопрос? – спросила Верочка.

По сравнению со вторым вопросом «заказ по па» и «батюшка с кладбищем» уныло померкли. Суть его заключалась в следующем... Почивший супруг кумы Аллочки (будем уж называть даму с лопатой так, потому что это и был будущий повар отца Евгения) при жизни считался большим ловеласом. Это мы узнали из рассказа нашей новой знакомой. По крайней мере, в этом была уверена кума Аллочки, сильно его ревновала и закатывала мужу скандалы. Иногда даже с рукоприкладством и битьем посуды. Изменял он ей на самом де-

ле или это было плодом ее фантазии – история умалчивает.

Прожили они так тридцать лет, временами даже душа в душу. Но вот умер вчера Иван (так его звали). Жена, естественно, в разобранном состоянии, с похоронами помогает Аллочка. Только случилась одна неприятность. В ночь, аккурат после своей кончины, приснился Аллочке Иван. Что уж он там в ее сне делал, она уточнять не стала, но факт остается фактом. Утром она возьми да и расскажи об этом безутешной вдове. Та даже в себя пришла, рыдать перестала:

– Ах он, такой-сякой, забодай его комар! При жизни гулял, так я думала, хоть после смерти успокоится. А он вон как. Не ко мне, законной жене, – к тебе ночью явился. У вас, случайно, ничего не было? Ладно! Иди в храм, пусть скажут там, чего делать, чтобы Иван мне снился, а не кому попало...

Если бы я все это своими ушами не слышала – никогда бы не поверила. Бухгалтер Верочка, правда, и тут не растерялась. Посоветовала в такой сложной семейной ситуации легкомысленному новопреставленному Иоанну поминовение на три года заказать. Чтобы знал, кому снится. Ну и о здравии его вдовы несколько молебнов. Это не считая сорокоуста заздравного.

– Точно поможет? – волновалась Аллочка. – А то как-то неудобно. Чужой муж же...

– Попа заказывали? – раздался вдруг из-за двери громкий голос. И на пороге предстал отец Евгений. Оказалось, он все это время под окошком с кем-то беседовал и разговор наш слышал.

Аллочка смутилась и даже попыталась прикрыть лицо лопатой. Батюшка же, чтобы сгладить неловкость, взял с полки какую-то книжку, подарил ей и под локоть вывел из лавки...

Когда, допив свой чай и обсудив с Верочкой все местные новости, я вышла на улицу, отец Евгений все еще стоял с Аллочкой. Было видно, что они нашли общий язык, и она даже посматривала на него с плохо скрываемым обожанием. Я совсем не удивилась. Отец Евгений – необычный батюшка. Он очень любит людей, а нецерковных просто обожает. В ответах на вопросы типа «как сделать так, чтобы легкомысленный покойный муж снился жене, а не другим феминам?» он вообще непревзойденный виртуоз.

Вокруг него постоянно роятся разные, по мнению «почтенной православной публики», отбросы общества. Какие-то бомжи, алкоголики, бывшие наркоманы. И чем «сложнее» случай, тем больше радуется отец Евгений шансу проявить свою неукротимую пастырскую сущность.

Не знаю, о чем они говорили с Аллочкой, но, когда я проходила мимо, батюшка, как гостеприимный хозяин, пригла-

шал женщину в храм, чтобы показать где что. И она заворожено кивала.

– Лен, пойдём с нами, – позвал он меня. – Познакомься – это Алла. А, вы уже знакомы. Ивана их отпоем, а в воскресенье она хочет прийти к нам на службу... Да, Алла?..

Аллочка радостно подтвердила. Хотя я уверена – ещё десятью минутами раньше она ни о чем таком даже не помышляла.

– Проходите, проходите... Вот это Варвара Васильевна, она печет просфоры... Лопату в храм можно не заносить. Вот здесь в притворе поставьте... Нет-нет, ничего страшного. Вы меня не сильно задели... Вот это икона целителя Пантелеимона... А там – распятие.

– Да-да, распятие я знаю, – защебетала его благодарная слушательница. – А помолиться Ему можно?

– Нужно! – воодушевился батюшка. – Как хорошо: человек в храм не ходит, но душа просит молитвы, – радостно шепнул он мне. И потер красное ухо, припечатанное лопатой.

Тем временем Алла подошла к распятию, опустилась на колени, неумело перекрестилась и на весь храм произнесла:

– Боженька и два разбойника по бокам, помогите мне!

И гордо повернулась к нам. Мол, «матчасть знаю, не сомневайтесь...».

Вот так Аллочка Ивановна появилась на том очень дорогом мне приходе. Она на удивление быстро вошла в нашу церковную жизнь, полюбила службы и даже уволилась из школьной столовой, где работала поваром, чтобы полностью посвятить себя храмовой трапезной. И ее стряпня уже стала легендой. Но я об этом уже писала.

Из-за нее бухгалтер Верочка раз и навсегда забросила свои вечные диеты. Хотя постоянно обещала себе и всем окружающим начать худеть с понедельника. Но, проходя мимо окон, за которыми «колдует» Аллочка, и вдыхая божественные ароматы, переносила все на следующую неделю. А давно овдовевший и уже забывший, что такое хорошая домашняя кухня, завхоз Петр Тарасович целыми днями терся в трапезной под предлогом проверки проводов, плиты, качества столов и так далее. И Аллочка Ивановна с удовольствием его подкармливала...

Правда, новая прихожанка оказалась натурой увлекающейся, без полумер, и резкая трансформация ее сознания в религиозную сторону приобрела угрожающие масштабы. В первую очередь для ее супруга пенсионера Степана Алексеевича.

Дело в том, что в прошлом был он человеком партийным, смотрящим на жизнь с сугубо материалистических позиций,

менять которые не собирался. И вообще не был даже крещен. Новое Аллочкино увлечение «всем этим божественным» Степан Алексеевич считал блажью, хотя не запрещал. Чересчур скандальным не был. Но сам потреблять «опиум для народа» категорически отказывался.

Аллочка же взялась за духовное окормление супруга со всей серьезностью. Первым делом по классике жанра развернула она крупномасштабную кампанию против «бесовского телевизора». Вместо вечерних новостей мужчина теперь слушал молитвы на сон грядущим. Аллочка специально читала их погромче, чтобы он хотя бы помимо своей воли приобщался в высокому. Ибо «неверующий муж освящается женою верующею». Но он, упорно не желая освящаться, под разными уважительными предлогами сбегал смотреть телик к соседу-алкашу.

Рацион в их семье тоже кардинально изменился в душе-спасительную сторону. И во время Аллочкиных постов Степан Алексеевич, который в своем чревоугодии опять же тихо, но уверенно упорствовал, ел свое любимое сало «на нычке». А вот то, что Аллочка в один день сменила свои бес-сменные растянутые дачные треники и футболки на платья и длинную юбку с кружевной блузочкой, ему даже нравилось. Будучи от природы эстетом, женственность в слабом поле он уважал. Но это и стало для него самой большой проблемой.

Степан Алексеевич новым имиджем жены не на шутку вдохновился и, прихрамывая, с невиданной активностью начал нарезать вокруг нее недвусмысленные круги, игриво приобнимать за широкую талию и шептать на ухо:

– Алка, мы с тобой еще о-го-го! Есть еще порох в пороховницах!

Но Аллочка, услышав от каких-то радикально настроенных на спасение бабушек, что даже зарегистрированный брак не считается, а только венчание, категорично заявляла:

– С нехристом никаких «о-го-го!». Хочешь порох в пороховницах растрясти – будь добр креститься и под венец сходить. А так все это незаконный блуд и непотребство.

– Но ведь как-то до этого жили, – возразил он. – Двух детей вон родили. Штамп опять же в паспорте. Никакого непотребства.

– Не жили, а во тьме беззакония плутали. Я вот на свет вышла! А ты как был дураком, так и остался. Да еще и блудный бес в тебя вселился.

И щедро брызгала многострадального мужа святой водой. В общем, в вопросах супружеской нежности нашла у них кося на камень. Степан Алексеевич возжелал любви, а Аллочка Ивановна – духовности. И консенсуса никак не получалось. Но, безмерно страдая, креститься и венчаться, как я уже сказала, категорически не хотел. Вот такой он человек.

* * *

Рассказывают, что на пике своих душевных и телесных мук несчастный муж даже тяпнул для храбрости и отправился к отцу Евгению, чтобы тот как-то повлиял на ситуацию. Понимал, конечно, что это смешно, но иного выхода не видел. Супруга была непреклонна.

Его первое в жизни появление в храме Божиим до сих пор помнят все, кто был там в тот момент. А кто не был – знают все в подробностях, даже в тех, которых и не было.

– Я же в тот день впервые увидел Степана Алексеевича, когда он, хромя, со страшными угрозами гнался по подворью за нашим перепуганным Петром Тарасовичем, – вспо-

минал отец Евгений. – Следом на максимальной для нее скорости колыхалась Аллочка с криком: «Степа! Ты не так все понял!» А впереди маячила Верочка, которая, мгновенно оценив ситуацию, открыла дверь церковной лавки, запустила туда завхоза и захлопнула ее перед самым носом Аллочкиного разбушевавшегося мужа... В общем, мелодрама.

Тут, наверное, надо немного разъяснить.

Как я уже упоминала, завхоз Петр Тарасович давно уже был вдовцом. По каким-то одному ему известным причинам он повторно не женился. Хотя, наверное, понятно по каким. Свою почившую супругу Валентину он всегда вспоминал с большой нежностью.

Умерла она внезапно от сердечного приступа. Храня ей верность даже после ее смерти, Петр Тарасович тем не менее очень любил прекрасный пол. Ну как любил? Без поползновений. Платонически. Считал всех без исключения женщин сосудами восхитительными, удивительными и немощными и всячески сосуды эти оберегал.

Все прихожанки знали, что кому-кому, а Петру Тарасовичу можно поплакаться о своих бедах; всех он утешит, обнимет, приголубит – по-чистому опять же. Для каждой у него был приготовлен искренний комплимент. И все в том храме, от юных дев до древних старушек, чувствовали себя рядом с ним распустившимися ароматными бутонами.

Молодые парни, отчаянно искавшие себе невест, даже завидовали лысому, беззубому и давно уже немолодому завхозу.

зу. Зайдет случайно на подворье какая-нибудь фемина – ноги от ушей, не поймешь, есть юбка или нет, реснички, как опахала, губки – маков цвет. В общем, глаз не оторвать. Парнишки мнутя в сторонке, а Петр Тарасович с девой уже на лавочке сидит, про духовное рассуждает. Катехизирует, значит. Она хихикает, ресничками хлопает, аж сквозняк вокруг: «Ой, дядя Петя...» Но, глядь, через день уже на службе стоит.

В общем, постоянно Петр Тарасович в окружении дам. И они его любят, и он их. На приходе его даже в шутку называют «жених всея округи». И даже грозятся скинуться, вставить ему зубы и женить уже в конце концов. На что он улыбается и говорит:

– Сестрички вы мои, я вас очень люблю, но жена у меня одна была и будет – Валюшка моя...

* * *

В тот роковой день, когда многострадальный Степан Алексеевич пришел за помощью к отцу Евгению, его жена Аллочка сидела на лавочке в компании Петра Тарасовича и страдала. Плакала на завхозовом плече о погибающем своем муже. А кому еще поплакаться-то? Кто их, женщин, еще поймет и утешит? Петр Тарасович и утешал по обычаю. Чисто, невинно и целомудренно. По голове гладил, ободрял:

– Да я сам раньше таким же был. Нехристом. Все образу-

ется, милая, не плачь только.

Так их и застал Степан Алексеевич. Изболевшаяся его фантазия и выпитое для куража вино тут же дорисовали ему все, чего не хватало для полной картины самого коварного адюльтера.

– Так вот как вы здесь молитесь! – вскричал он.

Ну а дальше вы знаете...

Пока удравший от ревнивого мужа завхоз прятался в церковной лавке у Верочки (у них тогда было временное перемирие – он давно ничего не покупал и не разорял приходскую казну), отец Евгений пытался наладить диалог со Степаном Алексеевичем.

Аллочка тихо плакала в сторонке:

– Стыд-то какой. Как ему такое в голову-то пришло? В мои-то годы...

О чем батюшка тогда говорил с пришельцем – неведомо. Но Степан Алексеевич ушел домой немного утешенным. Известен последующий разговор отца Евгения с Аллочкой. Она сама тут же всем и рассказала. Если вкратце, то батюшка пытался донести до ее сознания, что официальный брак – это тоже семья. И нечего мужа на грех толкать.

– Сама же потом плакать будешь. В опасные игры играешь. А насильно в храм никого не приведешь. Тем более так, как ты сейчас...

– Но это моя единственная надежда была – Степку-дурака хромого образумить, – жаловалась потом нам Аллочка. –

Сдам сейчас последний бастион – никакого стимула у него не останется ко Христу-то прийти...

Вняла в итоге Аллочка Ивановна словам духовника или нет, мы не вникали. Это дело, как вы понимаете, личное. Тонкие семейные материи.

Но стали замечать, что Степан Алексеевич с завидной регулярностью начал встречать жену из храма. Внутрь не заходил – у ворот ждал. И косился из-за забора на Петра Тарасовича. Может, ревновал, а может, нет. Но приход по обычаю не упускал случая подшутить над Аллочкой.

* * *

Так шло время... Аллочка стала тем самым легендарным в округе поваром, Степан Алексеевич как околожрамовый призрак мелькал за воротами. И его уже воспринимали как нечто само собой разумеющееся. Но случилась беда...

Наверное, здесь и начинается главное в моем рассказе. Все, что было ранее, лишь забавные (а кому-то может показаться, что и не очень) второстепенные воспоминания. Но они мне очень дороги. Это все наша жизнь. Иногда смешная, иногда грустная, иногда глупая. С нашими ошибками, нелепостями, падениями и взлетами... А иногда трагическая. Пестрая, как ковер, жизнь человека. Сегодня так, а завтра все изменится...

В один день все изменилось и для Аллы Ивановны со Степаном Алексеевичем. Алла не вышла на работу в свою трапезную. Вместо нее в то утро в храм пришел ее муж. Растерянный и заплаканный. Оказалось, ночью случился у нее инсульт. Увезли Аллочку в реанимацию, и сейчас она между жизнью и смертью.

– Помогите, отец Евгений, – плакал материалистически настроенный мужчина. – Она же так верит во все это ваше...

– Сейчас у нас служба будет – стойте, молитесь, а потом к ней поедем.

Степан Алексеевич честно отстоял всю литургию. Ну как отстоял? На лавочке отсидел. Пытался слушать – ничего не

понимал. Пару раз выходил за ворота покурить. И все ему казалось, что зря теряет время. Должен он сейчас быть там, в больнице.

Потом отец Евгений соборовал Аллочку в реанимации. Персонал его знал – пустили. Причастить не мог – была она без сознания. Прогнозов врачи не давали никаких. Но по обрывкам фраз было понятно, что дело очень плохо.

Степан Алексеевич из больницы практически не выходил. Даже спал там на лавочке в приемном покое. И все думал, думал... О них с Аллой, о жизни. Впервые, наверное, он, человек, веривший в свои силы и привыкший все планировать, чувствовал, что от него ничего не зависит. Не зависит и от врачей – так они сами сказали. А еще думал о том, как хрупко и мнимо это наше благополучие. Сегодня ты здоров, полон сил и планов... Миг – и как Алла его. Неизвестно, выживет или нет. Может, и права жена-то. Мир – иллюзия. Правда – ТАМ.

– В ее состоянии неизвестно еще, что лучше, – намекнул врач.

Часто навещал свою прихожанку и отец Евгений. Там они и общались. И однажды Степан сказал батюшке:

– Алла хотела, чтобы я крестился. Я в этом ничего не понимаю, но чувствую, что надо... Ей. Или мне. Не знаю...

Когда закончилось таинство Крещения раба Божиего Степана, в храм к отцу Евгению позвонили из больницы:

– Батюшка, вы просили, если что... Алла пришла в себя...

Аллочка Ивановна исповедовалась... Точнее, отец Евгений просто прочитал разрешительную молитву. Сама она говорить не могла. Причастилась. И ласково смотрела на мужа, который сообщил ей, что и он теперь тоже...

* * *

Несмотря на неутешительные прогнозы, Алла Ивановна выжила. Она все понимала, но не могла ни двигаться, ни говорить. Дома Степан Алексеевич сам ухаживал за женой. Кормил с ложки, памперсы менял, обмывал. Даже уколы делал.

Приходили к ним из храма, предлагали помощь. Но муж почему-то отказывался. Хотел один нести эту ношу. И все спорил про себя с Богом, в Которого не верил:

– Если Ты есть, зачем все это? Алка же так Тебя любит. Почему Ты не вылечишь ее? Или нет Тебя?

Читал жене вслух молитвы, Евангелие. Она дала ему понять, что хочет послушать. И временами сам увлекался:

– Надо же. Мертвых воскрешал. Так что Тебе стоит...

Достал где-то инвалидную коляску, и, когда врачи разрешили, они с соседом-алкашом – если тот был трезв – в этой коляске на руках сносили Аллочку во двор погулять. Пешком с третьего этажа. А потом обратно заносили. Дом же старый – лифта нет.

Однажды привез в этой коляске Степан Алексеевич жену на службу. А потом так и возил почти каждый день. Сам втянулся. Начал исповедоваться, причащаться. Подолгу молился перед иконами. Осознанно, искренне или с Богом за здоровье жены торговался... Не знаю. Да и не надо мне знать. У каждого человека свой путь. Но как же была счастлива Аллочка Ивановна!

И даже венчались они. В тот день она была в его любимом бежевом льняном платье. Он – в лучшем своем костюме. Допотопном, правда. И было в этом что-то настоящее. Чувствовал Степан, что не встанет Алка его, не заговорит, но хотел быть с ней до конца. По крайней мере, так рассуждали в храме. А может, просто желание ее исполнял... Кто знает.

Потом случился с ней еще какой-то удар, точно не скажу, после которого стала Аллочка как младенец. Ушло сознание... Степан Алексеевич все так же возил ее в храм. Со временем, конечно. Когда стало можно. Чувствовал, что хорошо ей здесь. Платок на голове поправлял. Салфетками капаящую слюну вытирал, к иконам коляску подвозил. Рассказывал ей, что вокруг происходит, как ребенку малому. Понимала ли она? Сердцем, наверное, да.

Смотрели на них люди и плакали. И чувствовали – Христос рядом с ними третьим стоит. А как еще выдержать боль

эту?

Больше всех плакала бухгалтер Верочка. Вспоминала ту Аллочку – королеву трапезной. Сильную, жизнерадостную, которая все мужа своего Степку-нехристя хромого ругала, что в храм не ходит.

Вот ведь как бывает. Нет той прежней Алки. Дите неразумное в ее теле. И не бывать бы ей сейчас в любимом храме, если бы не муж, не раз ею обруганный за неверие. Как все изменилось-то.

Правда, отец Евгений говорит, что Алла как была собой, так и осталась.

– Душа-то одна и та же. Вы в глаза-то ее посмотрите, как они светятся после Причастия. А вот Степан... Да... Ведет Степана Господь. Другой совсем человек.

* * *

Около года ухаживал Степан за недвижимой женой, безропотно, самоотверженно.

– Всякое у нас в жизни бывало. И ругались, дрались по молодости, но только сейчас, когда все это случилось, понял, как люблю ее, Алку мою, – говорил он отцу Евгению.

Потом умерла она. Отпели, похоронили Аллочку Ивановну. Сколько уж лет прошло? Много... А Степан Алексеевич так при храме и остался. Сторожем. Вот так жена его в итоге в храм и привела. Через болезнь свою и смерть.

В Бога верит он искренне и истово. Из молодых прихожан никто и представить не может, каким раньше был их бородастый дед Степан, который четки и Евангелие из рук не выпускает... Партиец-материалист.

С Богом он больше не торгуется, только просит Его, чтобы Аллочке Там было хорошо. И дождалась она его на Небесах. А куда она денется-то? Конечно, дождется. Старенький он совсем сейчас. Хромает сильно. Сердце шалит. Но все просит отца Евгения оставить ему это послушание сторожа. А я и рада. И батюшка тоже...

Любим мы посидеть все вместе: отец Евгений, бухгалтер Верочка, Петр Тарасович, Степан Алексеевич, я, другие... Повспоминать, как мы встретились, кто как в храм пришел...

Как вихрем ворвалась когда-то давно в нашу жизнь Аллочка Ивановна со своей лопатой, стала местной кулинарной легендой. А потом ушла, тихая, чистая, как ребенок... Как появился здесь ревнивый Степан и гонялся за завхозом со своей палкой. А теперь они друзья – не разлей вода.

– А Алка моя тогда была кремень! – с улыбкой вспоминает Степан Алексеевич. – И все меня святой водой, святой водой... А я-то, дурак старый, ей про то, что Бога нет...

А Петр Тарасович о Валюшке своей рассказывает. Но мы ее не знали.

Вспоминаем, как приходили в храм и уходили к Богу другие... И сколько еще уйдет, думали. И мы когда-нибудь тоже.

Это жизнь. Сегодня так. А что будет завтра – знает только Господь. А нам остается только вера. И память.

Вовка-хилак

Таким отца Евгения я еще не видела. А я видела его разным: добрым и сентиментальным, теплым и ласковым, мудрым и растерянным, строгим и грозным, мечущим громы и молнии и испепеляющим одним взглядом, беспощадным ко греху и плачущим вместе с грешником... Но в тот день у него было такое лицо, будто случилось что-то невероятное. Разверзлись небеса, и к нему спустились ангелы. Или бабушка наконец постиг глубинные законы бытия и сам того испугался.

– Я сейчас исповедовал святого! – тихо сказал он нам – мне и храмовому бухгалтеру Верочке.

Мы как раз пили чай в трапезной.

– Нет, что я говорю... Я сам ему исповедовался!

– Так вы же вроде к этому раковому больному ездили, – удивилась Верочка. – Худой такой дядька. Недавно появился у нас. Сгорел за месяц буквально. Станный такой – все улыбался.

– К нему. Умер он... Причастился и умер...

Отец Евгений ушел в свой храмовый кабинетик, а мы с Верочкой остались гадать, что же с ним случилось.

Минут через двадцать он вернулся с подаренной мной же бутылкой вина, молча достал стаканы и разлил всем понемногу. В тот день службы у него уже не было, так что было

можно. Хотя чего я оправдываюсь? Можно подумать, вино для священника – это преступление.

– Да! Сейчас я был у святого...

* * *

Отец Евгений, как я уже писала, не всегда был отцом Евгением. Когда-то был он участковым милиционером. Поэтому, наверное, многие его прихожане и сотрудники – бывшие асоциальные личности. Храмовый сторож Маркуша – бывший вор-рецидивист и алкоголик в завязке. Семен Иванович – успешный молодой бизнесмен, а когда-то Сенька-щипач и несовершеннолетний дебошир, не раз коротавший ночи у Женьки-мента в «обезьяннике».

Бухгалтер Верочка, кстати... В прошлом проворовавшаяся продавщица. И не побоялся же отец Евгений взять ее к себе на работу и казну приходскую доверить. И ни разу об этом не пожалел.

Перейдя из правоохранительных органов в православие, как кто-то когда-то сказал, чем очень всех повеселил, он и некоторых бывших завсегдатаев «обезьянника» туда сманил. Обратил тех, кто был рядом. Есть у него миссионерский талант и дар убеждения. Чего не отнять, того не отнять. Правда, местное население к его новому «образу» привыкало еще долго. Нет-нет, а врывались к нему в храм какие-нибудь голворезы с криками: «Спасай, милиция, там соседские тво-

их, районных бюют...» А отец Евгений с Чашей на амвоне стоит и страшными глазами показывает им на выход... Но это лирическое отступление.

Еще раньше был Женька-мент просто пацаном Женькой. И не сказать, чтобы очень примерным. Его и в милицейское училище-то мать отправила, потому что понимала – пусть он лучше защищает закон, чем его нарушает. А предпосылки к нарушению закона были.

– А еще я тогда очень хотел быть крутым, – вспоминал отец Евгений. – Мать одна меня растила, на рынке торговала, а вечерами подъезды мыла. И очень я боялся, что будут надо мной смеяться и дружить со мной не захотят. Лет десять – двенадцать тогда мне было. Точно не вспомню. Самый дурацкий возраст. Из кожи вон лез, чтобы «реальным пацаном» казаться. Не хуже других...

Была у них в классе тогда компания – Женька и еще человек пять мальчишек. Все «реальные». Предводительствовал Генка – сын кого-то важного из местного исполкома. Семья его была зажиточной и «продвинутой». У Генки одного из первых в городе появлялись разнообразные гаджеты того времени. В том числе по этой причине все к нему тянулось и искали его дружбы. И Женька тоже.

За что уж Гена принял его в свой элитный круг, отец Евгений до сих пор сказать не может, ведь где та семья и где его мать, рыночная торговка и уборщица. Но случилось как случилось. И Женя всеми силами старался оправдать высо-

кое доверие.

Примерно в то время к ним в класс пришел новый мальчик Вова. По известным мало кому тогда причинам он приехал жить в их городок к бабушке. Где были его родители, никто не знал.

– Гля – ботан, – хмыкнул Генка и толкнул локтем сидящего рядом Женьку.

Тот хмыкнул следом. Правда, не очень понял, чего смешного. Хотя Вова и правда был похож на «ботана». Брюки затянуты ремнем где-то почти под грудью... Очки, которые то и дело съезжали на кончик носа, и он поправлял их пальцем, смешно при этом закидывая назад голову. А из-под очков растерянный взгляд... Ранец...

– Гля – ранец, – опять толкнул Женю Генка.

Оба вновь хмыкнули. В то время «реальные пацаны» уже ходили в школу со спортивными сумками.

Только, в отличие от классических «ботанов», учился Вова плохо. Он заметно отставал в школе и с трудом понимал программу. Но старался. А когда получал очередную двойку, как-то очень глупо улыбался. Растерянно и как будто извиняясь.

– Чё лыбишься? – поддевал его Генка. Вова его чем-то сильно раздражал. – Дурила!

И Генкина свита снисходительно хмыкала:

– Дурила...

Вовка опускал голову и молчал.

Вовка-очкарик в классе не прижился. Не любят у нас тихих, жалких и молчаливых. Да еще и с извиняющейся улыбкой. Большинство просто его игнорировало, а вот Генка с компанией не упускал случая поддеть мальчишку. Ранец его допотопный спрячут, а потом сорвут с носа очки и смеются, смотрят, как тот на ощупь ищет. И Женька ржет, будущий отец Евгений, не отстает от друзей. Кнопки на стул подкладывали, в туалете запирали. На физкультуре толкнул так, что Вовка отлетит на два метра, и издеваются: «Ну чё, хиляк?»

А Вовка и был хиляк. Ножки тонкие, ручки слабые и прозрачный весь. Подтянуться ни разу не мог. Чем вызывал еще больший смех и презрение.

– Гля – как девчонка. Иди вон с девчонками в резинки прыгай.

– Девчонка... Девчонка, – эхом отзывались Генкины почитатели.

И Женька вместе с ними.

А в резинки Вовка и правда прыгал. Были в том классе две девчонки – Маринка-уродина и Машка-мелкая, еще мельче Вовы. Марина была отличницей, но внешностью не удалась. Ох как не удалась бедняга. За это и прозвали ее уродиной. А Машка – росточком с третьеклашку и молчаливая, как Вова. И запуганная какая-то. Тоже им доставалось от однокласс-

ников. Поэтому держались они в сторонке. И друг за друга. Вместе не так обидно. Но к ним все как-то уже попривыкли. А Вовка был новой жертвой. Интересно же. Только девчонки эти «убогие» с ним и общались по-человечески. Кому самому больно, чужую боль чувствует. В резинки свои прыгать научили. А ему нравилось. Мальчишкам иногда нравится такое, но стесняются «девчонками» прослыть. Не brutальное это занятие. Над Вовкой после этого еще больше смеяться стали. Зло, безжалостно.

– Гля – три калеки...

И в девчачий туалет его заталкивали.

* * *

В тот день уроки уже закончились, и дети расходились по домам. Вова с Маринкой и Машей шли вместе. Погода была хорошая, и они решили во дворе в резиночки свои попрыгать.

– Пацаны, гля, троица-уродица, – раздался Генкин голос.

Мальчишки подбежали и начали глумиться. Скакать по их резинкам. Оттягивать и отпускать, чтобы хлестнула резинка кого-нибудь из «ущербных» побольнее.

– Отстаньте, – сказала Маринка.

– Уродинам право голоса не давали, – толкнул ее Генка.

– Мальчики, ну правда, – жалобно пропищала крохотная Маша, которой только что досталось резинкой по ноге.

– Кто здесь? Откуда звук? – распаялся Генка. – А, это ты, мелочь. А ну – цыц.

И Генка отвесил Маше щелбан, но не рассчитал, она упала на асфальт и разревелась.

– Не смей ее трогать! Она же девочка! Она слабее! – раздался вдруг голос.

Это был Вова. Такого от него еще никто не слышал.

– Не смей?! А вот посмею!

Генка разозлился и отвесил плачущей Маше еще и пенделя.

И тут Вовка налетел на него и начал изо всех сил, как-то по-девчачьи, колотить своими слабенькими кулачками ему в грудь. Генка сначала даже опешил. А потом схватил мальчика за грудки, поднял над землей и откинул в сторону. Был он намного выше и сильнее.

– Да я ж тебя сейчас, хияк... Мужики, идите-ка сюда, сейчас котлету из него будем делать.

Генкина свита подошла. И правда сделали бы котлету – «старший приказал», – если бы не какая-то бабушка на лавочке:

– А ну перестаньте! Все на одного! Сейчас милицию позову. – И угрожающе замахала на них палкой.

– Ладно, готовься...

Разозленный Генка пошел прочь, но потом вдруг вернулся, сорвал с Вовки очки и бросил на землю. Они упали как раз Женьке под ноги.

– А я тогда смотрел на все это, – рассказывал нам отец Евгений, – и молчал. Мне и Вовку жалко было, и на его месте оказаться страшно. Кто я? Сын уборщицы. И кто Генка? Отвернется он от меня, и все. Хотелось сделать что-то такое, чтобы Гена понял, что я с ним. И я наступил на эти несчастные очки. Трусом и дураком был. До сих пор этот хруст помню. И как Вовка охнул и глупо заулыбался сквозь слезы. И начал щурить свои глазенки...

Когда гоп-компания уходила, Женька обернулся. Вова ползал по земле, шарил руками, как слепой котенок, и собирал остатки своих очков. Ему помогала Маринка. А рядом жалобно всхлипывала крохотная Маша.

* * *

Генка с друзьями Вовку избили. Не так чтобы сильно – все же милиции опасались, – но чувствительно. Подкараулили после школы и намяли бока. Чтобы не смел на «реальных пацанов» рот открывать. И издеваться стали изощреннее. Дневник в школьном толчке топили, собачье дерьмо в ранец подбрасывали... Много всего было... Зачем? Слабый ведь, ответить не может. Только плачет. Очки свои склеенные, убогие с кончика носа пальцем вверх двигает. Смотрит сквозь них растерянно. И улыбается как дурак сквозь слезы.

А однажды решили пацаны, что Вовка – конченный псих. Задали им к 8 Марта учить какое-то стихотворение про ма-

му. Вызвали Вовку к доске, он два слова сказал и разревелся. Как девчонка.

– Гля, маменькин сынок! – заржал Генка. И Женька с ним. – По мамочке соскучился?

Прямо на уроке, как тогда во дворе, кинулся на него Вовка с кулаками. Хорошо, учительница вовремя остановила.

– Не, ну точно псих. А вроде тихий, – сделала вывод Генкина компания...

Через месяц Вовка из класса ушел, и о нем вскоре все забыли.

Нет, Женька еще помнил какое-то время. Не совсем гнилой он мальчишка был, хоть и дурной. То и дело скребли кошки на душе, предательски покусывала совесть. И чувство такое было в груди... Неприятное. Тошнотворное. Как будто гнойник никак не прорвется.

«Надо было извиниться хоть на прощанье», – шептало сердце.

– Да ладно, все равно говорят, что он уехал. Я его никогда и не увижу больше, – успокаивал себя Женька. – Забыли...

* * *

Шли годы... Женька вырос, поумнел, стал милиционером. Хорошим. Хоть и звали его здесь «Женька-мент», но уважали. Справедливым он был и честным.

По этой причине из милиции и ушел. Не мог нищих старушек-торговок обирать и начальнику в конверте дань при-

носить. Помнил, как тяжело мать его растила.

Да... Очень он изменился. Проходит дурь, и из мерзких подростков нередко вырастают хорошие люди. И жалеют о глупостях, которые творили. Жалел и Женя. Вовку-очкарика часто вспоминал. Но что было, того не вернуть.

– Не увидимся больше – пора забыть.

А потом к вере пришел. Это отдельная история. Семинарию окончил. И вот он уже не Женька-мент, а отец Евгений, настоятель маленького храма в маленьком городке. Любимый всеми. И мной тоже. Есть за что его любить. Редкий он священник. Мало таких даже среди самых лучших.

* * *

Рассказывал нам с Верочкой все это отец Евгений, как будто исповедовался. Уже и вино закончилось, и на улице стемнело. Он все говорил. И движение у него такое есть – лицо ладонью вытирает. Как будто мысли плохие, воспоминания прогнать хочет. А они не уходят. Память – жестокая штука. А потом замолчал. И мы молчали...

– Так вы же про святого, которого исповедовали, хотели... – нарушила тишину Верочка.

– Я и рассказываю про святого, – поднял на нас глаза отец Евгений.

И столько в них было боли – не передать.

Этот человек появился у них в храме чуть больше месяца

назад. Невысокий, худенький. Очки на кончик носа съезжают, и он их пальцем поправляет, смешно закидывая голову назад. И улыбается глупо. Его толкнут, а он улыбается. Было видно, что человек болен.

– Исповедовался у меня несколько раз. Понял я, что болезнь его в храм и привела, – говорит отец Евгений. – Рак у него был. Каялся искренне. В чем – не ваше дело. Но кто он и что – много не рассказывал. Да и не нужно было. Грехи свои видит человек, и хорошо. Запомнил я, что его Владимиром звали. Потом пропал тот Владимир. В храме особого внимания не обратили – залетный же человек. Может, уехал куда.

А в тот день, с которого я начала, позвонила в храм жена Владимира:

– Умирает в больнице. Немного ему уже осталось. Просит исповедать и причастить.

Отец Евгений опять вытер ладонью лицо. Второй раз... Третий... Но не уходили безжалостные воспоминания.

– Он уже еле говорил, но старался все вспомнить, всю душу наизнанку выворачивал. Каждую соринку хотел напоследок отковырнуть. Причастил я его, попрощался и уже пошел к выходу.

– Отец Евгений, а вы меня не узнаете? – раздался сзади тихий голос. – Нет? А я вас сразу узнал, еще когда в первый раз в храм пришел. Рад был, что вас увидел. Священник вы теперь – как же это хорошо. Вовка я, Вовка-очкарик. Хиляк. И улыбнулся. Как будто извинялся за свою нескромность.

– У меня в тот момент земля из-под ног ушла. Больше всего мне хотелось исчезнуть, раствориться, сгореть со стыда прямо здесь, в больнице... Хруст очков, на которые я наступил, в ушах стоял... Дерьмо то собачье в его ранце прямо смердело. Как били мы его, идиоты малолетние, – всё перед глазами. А он не жаловался никому. Терпел, молчал. Бабушка его даже в школу ни разу не пришла... Улыбка та его вечно виноватая.

Отец Евгений долго стоял тогда на коленях перед кроватью умирающего Владимира. Каялся, прощения просил. А тот только смущенно улыбался:

– Да что вы, батюшка, я давно забыл все. Мне тогда вообще не до того было... Да и не достоин я, чтобы священник на коленях...

* * *

А в то время Вовка приехал жить к бабушке, потому что его мама умирала от рака. Была уже последняя стадия, и отец ухаживал за женой дома. Не хотели они, чтобы мальчонка все это видел. Вот и отправили его подальше.

Очень любил Вова свою маму, понимал, что происходит. То плакал, то улыбался растерянно, как бы спрашивая, почему так. «Почему моя любимая мамочка, такая красивая, молодая, ласковая, добрая... Почему она болеет? И бабушка вот с папой говорят, что умрет. Я слышал. Почему? Кому это

надо? Неужели мы больше никогда не пойдем с ней в парк? Она не будет кружиться со мной на карусели и смеяться как девчонка. И не обнимет на ночь: “Спи, мое солнышко, спи, любимый...” И так хорошо было засыпать у нее на плече... Не позовет: “Сыночек, иди обедать”... Как же вкусно она готовила...»

Вовка чувствовал, что не будет этого уже никогда. Но не хотел верить...

А улыбка так и приклеилась к нему на всю жизнь. Добрая, непонимающая, растерянная детская улыбка.

Может, и обидно ему было, когда издевались над ним, – конечно, обидно. Но больше он переживал за маму. Потому и разревелся тогда у доски. И кинулся на Генку с кулаками. А потом мама умерла, и отец забрал сына домой. И исчез Вовка из Женькиной жизни.

* * *

– Думал я, навсегда исчез. А оно вон как получилось, – тихо сказал отец Евгений. – В наш город работать приехал. И, представляете, он ведь правда меня давно простил. И Генку. Зла не помнил... Мы же, люди, как... Обидчику отомстить мечтаем. Всю жизнь мысли о мести облизываем, холим и лелеем... А Владимир радовался, что я теперь священник. Вы представляете, сколько смирения, любви, силы надо иметь в душе, чтобы ко мне, который издевался над ним, жизнь

его отравлял, на исповедь приходить, причащаться у меня... И ведь ни разу не смутил ни одним намеком. Только вот в конце рассказал. Чтобы я знал, что он рад встрече. И чтобы камень у меня с души снять. Я в этом уверен... Да, я был сегодня у святого...

Долго мы еще сидели. Теперь уже больше молчали. Каждый думал о своем. Я – о тех, кого обидела. Мне тоже есть что вспомнить. О том, что прощения не попросила. А зачем? Не увидимся же больше...

Отец Евгений как будто прочитал мои мысли.

– Лучше, конечно, не обижать. Но если обидел – сразу проси прощения. Даже если думаешь, что это единственная и последняя встреча. Сколько ни успокаивай себя, а камнем ляжет на душу чужая боль, тобой причиненная. Захочешь извиниться, а человека не найти уже. Так и будешь всю жизнь этот камень таскать. Каяться будешь, а все равно боль не пройдет. А если через много лет встретишь, кого обидел, со стыда сгоришь. Ты уже изменился, такой весь добропорядочный, уважаемый, жизни других учишь, соринки их обличаешь, а вот перед тобой твое бревно... Всю добропорядочную жизнь в своем «ясном» глазу таскал. Но все равно это лучше, чем не встретить. Я Господу за эту встречу очень благодарен. Изменить уже ничего нельзя, но хоть в ноги Владимиру поклонился... Редкий он человек. Святой. Как же милостив Господь!

Отпевал Владимира отец Евгений. Я тоже пришла в тот день в храм. Рядом с гробом стояла его жена. Маленькая, худенькая. Тихая. И горе ее как будто было тихим, хотя глубоким. Нет, это была не Маша. Но я тогда подумала, что Володя специально женился на «крохотуле», чтобы любить ее и защищать. Потому что сильный. Только очень сильный человек не помнит зла... Плакали двое его детей. Мальчик и девочка. Видеть все это было очень больно. Невыносимо.

Жена Володи зачем-то положила ему в гроб очки. Зачем они ему в Царствии Небесном – непонятно. Но то – их дело.

Да, я верю, что Володя там, рядом с Господом, в Его Царствии. Где «несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание, но жизнь бесконечная»... А где же ему еще быть с его незлобием и всепрощением? «Не судите, да не судимы будете»...

Владимир лежал в гробу, и на губах его была улыбка. Нет, мне не казалось. Та самая – добрая и извиняющаяся. Но не растерянная, как раньше, а спокойная. Как будто он только сейчас постиг то, чего до конца не понимал при жизни. И как будто кто-то наконец обнял его и тихо сказал: «Спи, мое солнышко, спи, любимый...» И он уснул...

Кругом плакали люди. Было страшно. Казалось, все несправедливо. Но настанет день, и мы тоже пойдем все то, что уже понял Владимир, и успокоимся. Я уверена.

Как Василий нашел свою Асклиподоту

Такого венчания приход отца Евгения еще не видел. Нет-нет, все было как положено. Невеста была в белоснежном платье, фате, при прическе и со счастливыми глазами. Жених тоже сиял и был одет в военный китель и брюки-галифе.

Только вот новобрачным было за семьдесят. А «молодой» вообще сидел в инвалидной коляске. Правда, дедулю это совершенно не смущало, и он не сводил со своей избранницы нежного взгляда.

– Венчается раб Божий Василий рабе Божией Асклиподоте, во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Аминь, – возглашал отец Евгений.

При слове «Асклиподота» свечница Ефросинья и местный бухгалтер Верочка дружно охнули и грузно опустились на лавку. «Молодая» и сама на Асклиподоту реагировала странно – хихикала и с озорным огоньком в глазах косилась на жениха. Знали бы Вера с Фросей, как на самом деле ее зовут, они бы еще не так охнули.

А по-настоящему Асклиподоту звали Свободой. Точнее, не по-настоящему, а по-светски. Так когда-то нарекли ее любящие родители: тракторист-передовик Егор и доярка-ударница Полина. Нарекли по большой любви к общемировому коммунистическому будущему – светлому и свободному от душающего капиталистического гнета. И стала ни в чем не повинная новорожденная Свободой Егоровной Коноваленко. А в Асклиподоту она превратилась две недели назад, когда в районной больнице крестил ее отец Евгений.

В тот день и родственники, и медики весьма удивились, когда вредоносная бабка Freedom (как между собой ее многие называли) попросила вдруг позвать бабушку. Подумали все, что собралась она в мир иной и перед смертью решила наконец покаяться.

Была бабка Freedom человеком очень известным в узких кругах. После выхода на пенсию, чтобы интересней было коротать время, решила она болеть. И не просто так, а смертельно. Это хобби удачно накладывалось на злокозненный от природы характер, и на ее фоне бледнел даже мольеровский Аркан. Из дня в день из года в год она «умирала», чем несказанно отравляла жизнь родным и близким, которым то и дело приходилось вызывать ей скорую, реанимацию, дежурного врача, бегать в аптеку и делать какие-то немислимые процедуры.

Она звонила детям и внукам в любое время суток: «Настал мой час, хочу обняться на прощанье». И они выслушивали подробный отчет о всех ее многочисленных и леденящих кровь симптомах. Большую часть пенсии она откладывала на достойные похороны и постоянно давала детям и внукам последние распоряжения. К слову, ее «похоронный капитал» был весьма внушителен – туда также вошло наследство Свободиного покойного мужа. Умер он десять лет назад. А Егоровна не слишком и переживала. Плохо они жили, ругались много. На эти сбережения можно было не только достойно похорониться, но и воскреснуть и заново прожить

жизнь.

Приемный покой содрогался, когда в него в очередной раз вносили стонущую бабку Freedom. Притворяется Егоровна или правда помирает, с первого взгляда понять было сложно. Чаще притворялась. Но, верные клятве Гиппократа, медики опять и опять скрепя сердце реанимировали ее. Вместо благодарности она часами рассказывала им и другим больным, как здесь все плохо, ужасно и вообще тушите свет.

А если терпения у врачей уже не хватало и они авторитетно пытались воззвать к ее совести, то с ней тут же случался какой-нибудь неизвестный медицине припадок. И реанимационные мероприятия возобновлялись...

Но эта последняя госпитализация старухи Егоровны вызвала в больнице настоящую ажитацию. В этот раз она, на удивление, не симулировала, и скорая помощь привезла ее по вполне объективной причине. Бабулю шандарахнул гипертонический криз. Привезли ее не в традиционном халате, а при полном параде, макияже и причёске.

Пугающей симптоматикой было ее безропотное и даже кроткое выполнение всех врачебных рекомендаций. Капельницу она не выдирала, таблетками не плевалась, руку для тонометра протягивала и на все говорила: «Спасибо».

В связи с этим был даже собран медицинский консилиум. У Свободы Коноваленко агония. А тут еще и батюшку просят.

Но не для того позвала Свобода Коноваленко отца Евгения, чтобы с миром покинуть эту грешную землю. Наоборот, сейчас как никогда собралась она жить долго и счастливо.

И не просто жить, а «пройдя все эти ваши божественные процедуры и вступив, так сказать, в организацию. Ну, вы меня понимаете...», – объяснила она отцу Евгению, показав пальцем вверх и многозначительно направив туда же округлившиеся до невозможности глаза со скрытым в них глубоким смыслом.

– Понимаю! – с самым серьезным видом ответил батюшка.

И для подтверждения тоже широко и одухотворенно взглянул на больничный потолок, чем вызвал полное ее доверие. Религиозный консенсус был достигнут.

Он зачитал бабуле имена святых, чья память тогда праздновалась. Свободы в святцах ведь нет. К его огромному удивлению, она пожелала креститься в честь мученицы Асклиподоты. Отец Евгений предлагал ей прожить новую счастливую христианскую жизнь хотя бы в качестве Апфии, которая тоже была в тот день.

– Городок у нас маленький, люди простые. Асклиподоту могут и не понять. А Апфия хоть и тоже не какая-нибудь Маня, но хоть выговорить можно, – взывал он к остаткам

бабушкиного рассудка, в которые он и сам слабо верил.

На что старушка объяснила, что, будучи в миру Свободой, грех для христианской жизни выбирать менее изысканное имя. Да и Асклиподота в переводе с греческого – дар Эскулапа. А врачи ей давно как родные. И лукаво подмигнула отцу Евгению слезящимся глазом. «Вот Ваське сюрприз будет», – добавила она...

* * *

– Бабуль, опять в больницу? – раздраженно спросил Егоровну за пару дней до того гипертонического криза и последующего крещения приехавший по ее звонку тридцатилетний внук Петя. – Или сразу прощаться будем? – И по привычке начал искать ее полис.

– Больница, внучек, подождет. Сначала в парихмахерскую.

Старушка задумчиво рассматривала в зеркале реденькие седые волосики и торчащий недощипанный ус.

– Надо же что-то с этим делать. И вот еще, мне бы в магазин, а то надеть нечего.

– Эээээ... Нуууууу... Аааа... Кхе...

И не найдя больше, что еще такого, подходящего момента, сказать, двухметровый Петя тихо опустился на диван.

Вечером на экстренном семейном совете он рассказывал пораженным родственникам, что на его глазах Свобода Егора

ровна, всегда думающая только о смерти, покрасила в парикмахерской скромные остатки былой шевелюры в платиновую блондинку. Потом прикупила себе несколько платьев и красные туфли. И палки для скандинавской ходьбы.

На Петин робкий аргумент: «Бабуля, ты осторожней с деньгами, это же неприкосновенный похоронный запас», – лишь легкомысленно отмахнулась. А на просьбы все же захватить в больницу, ведь все так странно и необычно, а в это время дня ей всегда плохо, отвечала решительным отказом.

– И даже ванночку для ног не сделала. А вместо настоя ромашки попросила сбегать в магазин за бутылкой вина, – закончил Петр рассказ и, наслаждаясь произведенным эффектом, победно оглядел находящиеся в комнате.

* * *

На следующий день к дому Свободы Егоровны Коноваленко подъехала машина, в которой сидели ее дочь и Петина мать Ирина, двое сыновей Аким и Степан, троюродная внучка-хиппи Ульяна и знакомая медсестра-пенсионерка Тарасовна с аптечкой – вдруг что.

Пока взволнованные родственники решали, кому подниматься к бабуле в квартиру, она сама выпорхнула на улицу.

– Оба-на! – крикнула внучка. И добавила еще несколько непереводаемых фраз.

– Во мамка дает! – хором прохрипели сыновья.

Медсестра Тарасовна порылась в аптечке и что-то положила себе под язык. Ветхозаветные деды у подъезда прекратили долбить своим домино, а самый старый, Петрович, встал на единственную ногу и оправился.

Старушки на лавочке, некоторые из которых были младше Егоровны, от неожиданности забыли ее обсудить и молча смотрели вслед. И шлейф духов раздувал их немолодые ноздри...

А та с весенним выражением лица легко летела куда-то по улице. Как будто не семьдесят ей с лишним, а семнадцать. «Цок-цок-цок», – игриво стучали по мостовой красные туфельки на небольшом каблучке. Под цвет кокетливого платья. И так ловко перебирала варикозными ногами Егоровна, будто все последние годы не умирала ежедневно, а ходила по подиуму.

Ветер шевелил новую прическу «под Мэрлин Монро», на лоб спадала лихая прядь, и она изящным жестом наманикюренной руки откидывала ее с лица. И улыбалась этому ветру, деревьям, цветам, одноногому Петровичу, себе... И сверкали и переливались на солнце золотые зубы.

– Интересно, деньги ее еще на месте? – задумчиво проворковала дочь Ирина. – А то старики с возрастом чуют... Так... Поехали за ней. Только тихо.

Путь Свободы Егоровны лежал на бульвар Роз. Так его называли, потому что на всем его протяжении росли розовые кусты самых разнообразных цветов, сортов и размеров. Оглядевшись по сторонам, она порхнула к одной из лавочек и замерла, взволнованно теребя руками маленький ридикюльчик.

Навстречу ей медленно поднялся старик в военной форме. Одной рукой он держал букет цветов, а другой опирался на палку. Дедуля тоже замер и восхищенно смотрел на эти белые локоны, красное платье, старомодный ридикюль.

– Ну как? Как я вам? Вам нравится? – трепетал в глазах Егоровны немой вопрос.

– О! Вы восхитительны! – посылал он ей ответную волну флюидов.

Старик что-то сказал, старушка смахнула слезу. Бонтоном движением он вручил ей букет, Егоровна прижала его к губам. Дедуля порылся в кармане галифе и выудил оттуда какую-то маленькую коробочку. Он открыл ее, смущенно покашлял в кулак и протянул Свободе. Та достала из ридикюльчика очки, нацепила на нос, всмотрелась, еще всмотрелась, еще и еще... Ахнула, прижала одну руку к груди, другой прикрыла глаза. Мол: «Не могу, держите меня семеро!...» А потом протянула обе руки деду.

Да-да-да!!! Вы поняли. Свобода Егоровна Коноваленко влюбилась! Как девочка!

Это было то небезопасное для ее почтенных лет и давления шекспировское чувство, когда посреди улицы вдруг начинаешь петь «И Ленин такой молодой...», когда душа уходит в пятки, в животе порхают бабочки, а с лица не сходит идиотская улыбка и хочется весь мир обнять... Даже родственников... И похоронного агента, который уже давно караулит у дверей.

– Как романтично! – прошептала прильнувшая к стеклу машины внучка-хиппи.

Медсестра Тарасовна всхлипнула и опять положила что-то себе под язык. Аким и Степан закурили.

Старик со старушкой, взявшись за руки, опустились на лавку, и она положила ему платиновую голову на плечо. Ближайший розовый куст скромно закрыл бутоны.

– Это что такое, я не пойму? Это что за эротика? – спросила Ирина.

Тарасовна, не найдя больше ничего подходящего в аптечке, громко разрыдалась.

– А это кто еще такие? – пробормотала Ирина.

Она только сейчас заметила, что из-за скромного розового куста за влюбленными также наблюдали два здоровенных лба и крохотная женщина в платочке, которая едва доходила им до плеч.

– Так, чего рты раскрыли? – накинулась она на Акима со Степаном. – За матерью следит непонятно кто, а они рассе-

лись. Идите узнайте, в чем дело.

– Мужики, огоньку не найдется? – как можно индифферентней спросил Степан у лбов.

– Тсссс... Шшшшшш, – угрожающе зашипела кроха.

Лбы замахали руками, а один даже показал огромный кулак. Аким показал в ответ. Ситуация накалялась.

– Что вам, собственно, нужно от нашей бабушки? – пропищала из-за спин дядьев троюродная внучка-хиппи.

– Вообще-то это наш дедушка, – хором рявкнули лбы.

– Таки выследили, – раздалось из-за куста.

И дедуля раздвинул палкой ветки.

* * *

Уже полчаса на бульваре Роз проходил несанкционированный митинг, организаторами и главными участниками которого были Ирина, Степан, Аким, хиппи Ульяна, Тарасовна с аптечкой, лбы Ваня с Вовой – братья-близнецы и внуки романтического дедули, которого, кстати, звали Василий Матвеевич. А также крохотная Антонина Васильевна – дочь деда Василия и мама лбов. Женщина благочестивая и набожная.

Влюбленным была отведена роль зрителей и слушателей.

– Как вам не стыдно! – кричала Ирина на старичка. – Пожилой человек, а туда же. Думаете, если бабушка на ладан дышит, то можно и облапошить? Знаем мы таких... С

цветочками... Пронюхали, что у умирающего человека капиталец имеется, и давай охмурять этим своим... Как его... НЛП!

– Я вообще-то еще не... – попыталась возразить Свобода Егоровна, поправляя прическу «под Мэрилин Монро».

– Молчи, мама.

При слове «НЛП» благочестивая Антонина Васильевна испуганно перекрестилась и замахала руками, мол: «Свят! Свят! Свят!»

– Сами вы – НЛП! – наступали на Ирину лбы. – Наш де-душка – честный человек! Зачем ему ваш капиталец? У него у самого пенсия есть! Сами вы пронюхали. Обрадовались, что дед не в себе! Бабушку просунули... Молчи, дед! Дома поговорим!

– Сутенеры! – пискнула кроха.

И опять перекрестилась, на этот раз широко и удовлетворенно.

– Да как вы смеете! – задохнулась Ирина.

Тарасовна порылась в аптечке и сунула ей под нос нашатырь.

– Мама, поехали домой, – попытались поднять Свободу Егоровну с лавки Аким со Степаном.

– Так! Руки прочь! – разозлилась наконец та, махнула на них ридикюлем и схватилась за Василия Матвеевича.

– Покажи им, бабуль! – проявила сепаратистские настроения внучка-хиппи.

– Вызывайте скорую! – отрезала Ирина.

– Нет, ну а если это любовь? – раздалось у них из-за спин.

Все обернулись.

Увлеченные спором, родные парочки не заметили, как вокруг них собрались любопытные прохожие.

– Какая любовь, что они с ней будут делать? – недвусмысленно захихикала девушка игривой наружности и прильнула к прыщавому другу.

– Любви нет! Жизнь – боль! – мрачно произнес бледный юноша в черном.

– Нет, ну а если правда любовь?! – выступила вперед пожилая женщина. – А вы – скорую.

– Свободу пенсионерам! – выкрикнул какой-то дедуля в растянутых трениках, заправленных в носки.

– Опять цены на газ повысили, а вы говорите – свободу! – озвучил кто-то наболевшее.

– Граждане, с кем согласовано мероприятие? – поинтересовались двое полицейских. – Расходимся, расходимся.

– Свободу политзаключенным! – прокричала рыжеволосая короткостриженная дама средних лет и без чувств упала им на руки.

– Да воскреснет Бог и расточатся врази Его... – запела маленькая Антонина Васильевна.

Василий Матвеевич мрачно глядел на все это, потом поднялся и стукнул палкой об асфальт.

– Молчать!

Все замерли. Полицейские вытянулись.

– Мы со Свободой Егоровной любим друг друга.

Он умолк, не зная, что еще сказать.

– Ну вот, видите, я же говорила, – обрадовалась пожилая женщина. – Ну продолжайте, продолжайте...

– Ну-у-у... Ну и Свобода Егоровна согласилась стать моей женой, – с трудом закончил речь Василий Матвеевич, плохо владевший ораторским искусством.

Для закрепления сказанного он еще раз сильно стукнул палкой о землю.

– Вот так-то!

Но тут силы покинули его, и старичок со стоном опустился на лавку.

– Василий, тебе плохо? Что вы стоите, ему же плохо... Васенька, что с тобой? – суетилась и плакала Свобода Егоровна.

Но, тоже не выдержав эмоционального напряжения, пошатнулась и рухнула рядом.

Через десять минут две скорые помощи увозили влюбленных в неизвестность. А народ не спешил расходиться и еще долго обсуждал случившееся. Небогат событиями маленький южный городок...

* * *

Василий Матвеевич сбежал из больницы через два дня.

Ну как сбежал... После грандиозного дедова скандала увезли его домой на инвалидной коляске Вова с Ваней. Сам идти он не мог.

Тогда, на бульваре, от избытка чувств, защемило у него что-то в спине, током отдало в больную ногу и пришлось жене временно сесть в это транспортное средство. И всю дорогу махал он на внуков своей палкой и крыл на чем свет стоит.

Со Свободой Егоровной дело обстояло серьезней. Получила она тогда на нервной почве тот самый гипертонический криз, и состоялась эта, удивившая врачей, госпитализация какой-то новой положительной бабки Freedom. Долго была она между жизнью и смертью. И все это время под окна ее палаты два парня привозили деда в инвалидной коляске. А он смотрел на занавешенные окна и что-то шептал.

А в один из дней, когда стало лучше, попросила Егоровна врачей подвести ее к окну.

– Васенька, – прошептала она слабым голосом.

– Свободушка...

И взорвался аплодисментами больничный сквер с гуляющими пациентами, давно наблюдавшими эту любовную драму.

– Надо же, прямо Ромео и Джульетта, – удивилась Ирина, пришедшая проведать мать. – И где они только встретились?

Где-где?.. Ясно где. В поликлинике. В очереди на анализы...

В тот день чуть ли не насильно привезли внуки Иван и Владимир своего старого брюзжащего деда Василия на диспансеризацию. Что-то стал он сдавать, а к врачам идти не хотел.

Хоть и очень занудным в последнее время стал дедуля, а любили они его. Прямо обожали. Помнили, как пацанами то на охоту, то на рыбалку ходили с ним. То на пасеку. То игрушки какие-то он им строгал, то самолетики делал. То форму свою старую, военную, молью изъеденную, из шкафа доставал. И рассказывал, как границу охранял и на шпионов

ходил. Может, врал, а может, и правда.

– Диспансеризация... Слово-то такое выдумали, – ржаво скрипел дед, сидя перед кабинетом забора крови. – Лишь бы казенные деньги тратить. А толку никакого. Кому сейчас нужны пенсионеры? Продырявят только этими своими иглками...

– А вот не скажите, – возразила сидящая рядом пожилая женщина. – Как это никакого толку? Сдайте анализ, и все ваши тромбоциты, эритроциты и лейкоциты будут как на ладони. Как же без этого? А палочкоядерные? Вот у меня две недели назад был пониженный гемоглобин. А как бы я это узнала без анализов? А месяц назад эозинофилы скакнули. Это же все что угодно может быть.

Она доверительно наклонилась к уху деда:

– Даже паразиты...

– Какие паразиты? – вытаращился на нее дед Василий.

– Как какие паразиты? Нельзя же в наше время быть таким необразованным. Все наши беды от паразитов.

И Свобода Егоровна поведала своему шокированному собеседнику, что страшные паразиты везде кишмя кишат и мечтают погубить беззащитное человечество. Они присасываются к кишечнику, растут и размножаются, а потом атакуют все органы и даже мозг...

Да так красочно рассказала, что, как живые, извивались перед его перепуганным взором противные чудовища с тремя головами, скользкими телами, длинными хвостами. Они

тянулись к нему своими присосками, мерзко хихикали и норовили заползти то в мозг, то в печень. Василий Матвеевич мысленно махал на них своей палкой и клялся себе никогда больше не манкировать диспансеризацией.

И так впечатлился он, что обменялся со Свободой Егоровной телефонами. Приятно ведь пообщаться с образованным человеком.

* * *

Так стали они встречаться – на той самой лавочке на бульваре Роз. Свобода Егоровна приносила Василию Матвеевичу вырезки из журнала «Здоровье», а он рассказывал про шпионов. Тоже неплохо рассказывал, и бабуля то промакивала слезу, то хваталась за сердце.

– Вы, оказывается, герой, – восхищенно говорила она.

Они шутили, смеялись... И спадала с них годами нанесенная шелуха. И уже не брюзжащий дед Васька и вредоносная, известная в узких кругах, умирающая бабка Freedom сидели на лавочке, а красивые, счастливые, помолодевшие на много лет люди, которых ласкало солнце, которым пели птицы и улыбалась жизнь.

Матвейч смотрел на эту женщину, и что-то странное, давно забытое творилось у него в груди.

«Это ОНА», – стучало сердце... Да, это была она. Дед Василий это точно знал.

Растила сироту Ваську деревенская баба Нюра. Был он как все мальчишки – то слушался, то хулиганил. Иногда бывал нещадно порот. По праздникам брала его бабка с собой в церковь. Не то чтобы очень уж набожным был Вася, но в храме ему нравилось – красиво.

Вырос он, уехал в город, окончил военное училище. Красавцем стал. Форма как влитая сидит, девки заглядываются. А в одну он сам влюбился без памяти. Только не девка она была, а молодая вдова Маринка. Жениться хотел, венчаться даже. Но она только хохотала. А потом забеременела Маринка (от него, не от него – неизвестно) и родила девочку Тоню. Ту самую – крошечную Антонину Васильевну. Но Тоней она станет позже. А пока вернулся вечером домой Василий, а под дверь пищит что-то завернутое в одеяло. И записка: «Это была ошибка, прости, прощай, не ищи».

Не бросил Вася ребенка. В деревню к бабке Нюре привез. Навещал часто. А потом, как подросла немного, в город к себе забрал, в садик определил.

О Маринке думал постоянно. Все не мог понять, как могла она так поступить – с ним, с ребенком. Стал чаще в церковь заходить. Баба Нюра-то его всегда просила: «Ты храм-то не забывай». Но не до того было.

А как Маринка бросила его с ребенком, о Боге вспомнил.

Стоял в уголке, слушал, как нестройными голосами поет старушечий хор, и думал, почему так все в жизни получается. С батюшкой познакомился. И тот однажды сказал ему:

– Забудь. Не твоя та Марина была. Дочь расти, а о ней не думай. Свою любовь ты еще встретишь. Настоящую.

Действительно ли знал что-то старенький священник или просто для утешения сказал, неизвестно. Но поверил ему Василий и стал любовь свою ждать. Только боялся опять ошибиться. Но батюшка тот сказал, что теперь не ошибется. Сердце подскажет.

Шли годы. Кидала судьба Василия по всей стране. Служил, работал. Похоронил бабку Нюру. Вырастил Антонину, замуж выдал. Родила она ему внуков, близнецов – Ваньку и Вовку. А сердце все молчало. Сгорбили его годы, вот он уже с палочкой, вредный стал, всем недовольный. Помирать скоро. А оно молчало. И вдруг заговорило: ожило, забилося, затрепетало... В поликлинике. У кабинета забора крови.

Не обманул много лет назад старый батюшка.

* * *

Счастлив был дед Василий – как никогда счастлив.

Одно только печалило его. Венчаться хотел со своей Свободушкой ненаглядной. Но некрещеная она была – да и Бога никакого не признавала. Коммунистическая генетика, что поделать.

И так, и так уговаривал ее Матвеевич. Даже «подходцы» всякие делал.

– Люблю я тебя, не могу, но что за имя у тебя такое, нерусское – Свобода. С таким на Небеса со мной не пустят. Еще побоятся, что вторую революцию Там устроишь. А крестишься, станешь Варенькой, Софьюшкой или Дунюшкой. Ласково как, нежно. И самим приятно, и перед ангелами не стыдно.

Но Свобода ни в какую. На то она и Свобода.

«Ладно, – думал дед, – распишемся, а там видно будет».

Егоровну свою по телефону предупредил, что разговор у него к ней жизненно важный – в пять часов на их месте. Она поняла все, прическу «замутила», нарядилась и вина вместо ромашки от радости выпила.

И объявил он родным, что женится. Чем поверг их в неопикуемый шок и уверенность, что дедуля сбрендил. Развели его какие-то мошенники на всю его честно заработанную пенсию.

Все это вылилось в те знаменательные события на бульваре Роз.

* * *

А Свобода Егоровна, пока под капельницами со своим гипертоническим кризом Богу душу отдавала, перепугалась и поклялась, что если поправится, то крестится обязательно,

как любимый просил. Уж очень хотелось ей с ним и здесь, на земле, хоть немного помиловаться, и на Небесах быть всегда вместе. А вдруг Там правда что-то есть? И эскулапов слушалась беспрекословно, чем несказанно тогда их удивила.

Только вот обидно ей было, что Свобода ее ему не нравится. Женщина, что поделать. Хотела, чтобы ей только восхищались – со всеми ее недостатками.

– Хорошо, – решила. – Хочешь нежное православное имя? Чтобы перед ангелами не стыдно? Получи, милый, Асклиподоту. Асклиподотушку ненаглядную.

Все-таки неубиваема была где-то внутри у влюбленной Егоровны вредоносная бабка Freedom.

Ждать не стали... Выписалась Асклиподота Егоровна, и помчались они с дедом Василием, который все еще в инвалидной коляске ездил, под венец. А чего ждать, время терять? Вдруг еще какой удар хватит или паразит куда залезет...

* * *

– ...Венчается раб Божий Василий рабе Божией Асклиподоте... – возглашал отец Евгений.

Невеста с хитрым огоньком косилась на жениха. А тот сначала хмурился, а потом улыбался в ответ беззубым ртом и нежно брал ее за руку.

А отец Евгений смотрел на них и думал: «Как странно

устроен человек. Мы стареем, дряхлеем, умираем. Вредными становимся, капризными. А душа всегда одна и та же. Юная, горячая, сильная душа. Страдает, радуется, трепещет, любит. Внутри этих старых тел молодые влюбленные. И все у них впереди... А еще, – думал он, – у всех в жизни есть своя Асклипиодота. И свой Васенька. И не важно, когда ты ее или его встретишь. Главное – разглядеть, не пропустить, не испугаться настоящей любви...»

...Крохотная Антонина Васильевна размашисто и благочестиво крестилась. Неловко переминались в углу с ноги на ногу лбы-близнецы Ваня и Вова, одетые в одинаковые костюмы, купленные специально по случаю. Там же кучковалась родня «молодой» – Аким, Степан и двухметровый внук Петя. Ирина вытирала слезы и сморкалась. Может, расстроилась, что «похоронный» капиталец уплывал... Или правда тронула ее мамкина поздняя любовь. Рядом с ней поминутно засовывала себе что-то под язык медсестра Тарасовна. В церковном дворике на лавочке сидела в наушниках хиппи Ульяна. В храм зайти она пока не решилась. Но все еще впереди...

– ...Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Аминь!

Сердце блудницы

Отец Евгений не был святым. Он был просто человеком. И, как все люди, совершал ошибки и поступки, за которые ему было стыдно. Но он старался, очень старался быть хорошим священником. И, поверьте, у него это получалось. Уж я-то знаю.

– Но, знаешь, хорошо, что есть память, – говорил он. – Ты уже признал, покаялся, встал, отряхнулся, а все равно перед глазами встают картинки из прошлого. Где ты был неправ, струсил, смалодушничал, мимо горя чужого прошел. Да что там – свиньей был. Это нужно, полезно вспоминать, чтобы опять совесть кольнула и никогда уже не повторять... Верку не забуду никогда... Молодой я тогда был, дурной.

...Давно это было. В том маленьком городке многие ее называли Верка-потаскуха. Отца у нее не было, мать-пьяница то и дело меняла таких же пьяных кавалеров. В итоге кто-то из них ударил ее бутылкой по голове. И умерла Анджела – так звали мать.

Верка осталась с бабушкой. Еще со школы пошла она по кривой дорожке: сначала спала с какими-то похотливыми сальными мужиками за ужин в дешевом кафе, потом – за шмотки. Иногда и деньги могли ей подкинуть. Нет, была у нее и нормальная работа – на рынке торговала мясом. Но все знали, что и другое продать она может.

Когда Верке было восемнадцать, умерла бабушка. Не выдержало сердце, изболевшееся сначала за дочь, потом за внучку. И осталась она одна.

А потом забеременела. От кого – сама сказать не могла.

– Рассказывала мне Верка, что тогда это известие о беременности как молнией ее ударило, – вспоминал отец Евгений. – Ведь спала она со всеми подряд не от хорошей жизни. Что мать ее делала, то и она. От осинки не родятся апельсинки. Только не пила, в отличие от матери. До тошноты насмотрелась на попойки. А еще хотела от одиночества убежать. Но не знала как – не научили ее. Ни о каком аборте даже не думала. Хотя врачи сразу сказали: «Тебе-то зачем?» И заниматься Веркой особо не хотели, брезговали. Но все равно ей было, что они там говорят. На обследования не ходила. Думала о том, что наконец-то закончится ее одиночество, будет любить этого ребеночка и он ее будет любить. И станет теперь у нее в жизни все по-другому. Не как у них с матерью. Странно, да? Но ведь даже потаскухам нужна любовь. Блудницам последним. Она всем нужна. И ведь, Лен, подумай, что-то внутри у нее было чистое, настоящее, раз малышка оставила. Мы, люди, ведь оболочку только видим... А сердце видит Господь.

Но тогда, в начале истории, этого никто не знал. И в один из дней завалилась к ним в храм пьяная вдрабадан Верка. Она то рыдала, размазывая по опухшему лицу дешевую тушь, то заходила каким-то зловещим сумасшедшим хо-

хотом. И толкала перед собой коляску, в которой лежал ее, наверное, уже трехмесячный малыш.

– Верка-потаскуха, – прошелестел по храму испуганный старушечий шепот.

Кто-то побежал за сторожем – вывести девку побыстрее. Стыд-то какой – блудница бесстыжая в Доме Божиим. Кто-то попытался оттеснить ее к выходу. Там и наткнулся на них отец Евгений.

Молодой батюшка был не в духе. Дома болела дочь, нервничала матушка, они сильно поругались. А тут еще крестины, и он опаздывает. И Верку-потаскуху еще нелегкая при-

несла. Да, он знал, кто это.

Зачем Вера тогда пришла впервые в храм, она и сама не понимала. Наверное, потому, что некуда было идти. Она почти ничего не говорила и все так же то смеялась, то плакала. И заглядывала отцу Евгению в глаза, как будто ждала чего-то, что хоть немного облегчит ее невыносимую боль. А болеть было чему.

– Я смотрел тогда на ее ребенка, – вспоминал батюшка, – и чувствовал, что у меня волосы становятся дыбом. Это был настоящий уродец. Какая-то бесформенная голова, всё как будто не на своих местах. Вера сказала, что он еще и слепой. «Почему? – спрашивала она меня заплетающимся языком. И перегаром от нее разлило противно так. – Делать-то что?»

Отец Евгений замолчал и несколько раз вытер ладонью лицо. Как будто хотел смыть навязчивое воспоминание, но оно не уходило.

– А я... – опять заговорил он и схватился за голову. – Знаешь, что сделал тогда я? Я же знал про ее похождения, городок-то маленький. Я сказал: «А что ты хотела? Всю жизнь грешила, теперь всю жизнь терпи!!! Пойди проспись сначала, потом поговорим». И пошел по своим делам. Понимаешь, Лена?! По своим делам пошел! Мимо прошел...

– А разве не так? Разве не за грех? – спросила я.

– Так или не так, знает только Господь!

...Вера тогда молча повернулась и, шатаясь, пошла прочь со своей коляской. Тяжело, медленно, как будто придавлен-

ная бетонной плитой. Это была какая-то черная безысходность. Она шла в пустоту. А сзади шипела какая-то бабушка: – Ишь, удумала! Пьяная приперлась. И хохочет еще...

Сторож Степан шел за Веркой по пятам. Как будто боялся, что она вернется. И гнала, гнала ее какая-то волна прочь от храма, да что там от храма – из жизни. Нет ей места в жизни этой. Нет!

Отец Евгений обернулся и посмотрел ей вслед. Вроде бы все правильно сказал, но жгло все внутри. «Не вернется ведь, – шептало сердце. – Ну, значит, не нужен ей Бог. Ладно, пора крестить».

– Я ни бабушке той шипящей ничего тогда не сказал, ни Степану, Лен, – почти простонал отец Евгений. – Почему? Да не до того мне было. Чиновник большой сына крестил. Спонсор. Опаздывать нельзя.

* * *

Ночью отцу Евгению не спалось. Он ворочался в кровати, вставал, уходил на кухню, возвращался...

– Ты чего не спишь-то? – сонно пробормотала матушка Ирина.

Он рассказал. Она помолчала, встала, вскипятила чайник, и долго они сидели тогда на кухне.

Вспоминали, как «залетела» без мужа двоюродная сестра матушки. И как ни уговаривали они ее, сделала аборт. А ведь

и деньги были, и работа. Как бросила в роддоме дочь с гидроцефалией их знакомая. «Я не буду матерью инвалидки!» – сказала она тогда. И муж хороший, и дом полная чаша, и все равно.

– А девочка эта, блудница, на самое дно опустившаяся, и родила, и не бросила. Не оправдываю ее, но посмотри – сердце-то любящее, чистое. Ты ж говоришь, больной очень ребеночек. Понятно, что больно ей, страшно. Вот и пьет. А ты ей про грех и расплату, про «проспись»... Согреть ее надо было сначала, обнять, пожалеть, поплакать вместе с ней. Она же за этим пришла. За соломинку хваталась. А там, глядишь... Эх, батюшка... Ладно, идем спать, тебе рано служить...

* * *

Утром отец Евгений пришел в храм задолго до службы. Там уже была Лидия Ивановна – одна из старейших прихожанок.

Она почти всегда была в храме. Уходила позже всех, приходила раньше. А иногда и ночевать оставалась – в строительном вагончике. Нечего ей было дома делать, после того как потеряла одного за одним сына и мужа. И сама еле выжила. Спас ее тогда отец Евгений. Но это уже другая история.

– Лидия Ивановна, здравствуйте! Вы Верку знаете? Ну эту...

– Благословите, батюшка. Да кто ж ее не знает!

– А где она живет, знаете?

– Где живет, не знаю, но сейчас спит она у меня дома с Мишуткой своим, бедолажкой. Я и питание ему купила.

– Как это?..

Вчера вослед уходящей Верке смотрел, задумавшись, не только отец Евгений. Смотрела и Лидия Ивановна. Услышала она случайно их разговор и пошла следом за еле волочащей ноги женщиной с ее коляской.

– Вера, Вера, стой!

Верка остановилась и зло посмотрела на нее мутными глазами.

– Что, тоже про грехи? Сама знаю...

Лидия Ивановна помолчала, а потом обняла эту пахнущую водкой молодую женщину и начала гладить по голове. Как когда-то своего сына.

Верка сначала пыталась вырваться, а потом обмякла и прижалась к Лидии Ивановне. Как мечтала всегда прижаться к матери, но не обнимала та ее, и разрыдалась, и рыдала, рыдала, как ребенок.

– Он, он-то за что страдает? Это из-за меня, да? Из-за меня? Я же хотела все по-другому. Жизнь изменить хотела, счастливым его сделать, любить. А он вон какой, Мишутка мой. Врачи говорят, долго не протянет. Ест из шприца, не видит. Лицо вон, как через мясорубку...

– Ты уже изменила жизнь, девочка, – прошептала Лидия Ивановна. – Ты просто сама еще не понимаешь. И люби его,

люби, – ему это нужно... и тебе тоже.

«Девочка»... Так Верку не называла даже мать. А потом все только и звали потаскухой. Она плакала и плакала... И как будто легче ей становилось.

Лидия Ивановна позвала Веру к себе: «Чайку попьем, отдохнешь, помоешься». Чувствовала старая женщина, сама пережившая нечеловеческое горе, что, отпусти она ее сейчас, она не только не вернется в храм, но произойдет что-то страшное.

* * *

...Лидия Ивановна тихонько закрыла за собой дверь. Отец Евгений сел рядом с Веркой на кровать.

– Прости меня, Вера, не то я вчера сказал, не о том, – долетели до нее слова батюшки.

Вера рассказывала ему, как родила, услышала тихий писк, и как будто солнце для нее взошло. «Все, все будет теперь хорошо!» – думала она.

А потом были слова врачей про то, что урод, что смертник, кто-то даже про «неведому зверушку» сказал. И даже показывать ей сына не хотели. Никому и в голову не могло прийти, что потаскуха такого ребенка-урода не бросит.

Рассказывала, как в реанимацию к нему рвалась, а ее не пускали: «Иди уже домой. Родила нам тут...» Как ничего не говорили – почему такой. «Шляться надо было меньше», –

и все.

– Мне страшно на него было смотреть, больно. Непонятно, как жить. Но бросить-то как?! Живое же... Уж какой есть. Сама виновата.

Из роддома врачи провожали ее молчанием.

– Надо же... Кто бы мог подумать, – сказала вдруг старенькая акушерка. – Тут здоровых бросают. А эта...

Рассказывала Вера, как дома пила с горя – впервые в жизни. В себя приходила, только когда Мишутка от голода кричал. Молоко у нее пропало, и она давала ему дешевую смесь. Сил сосать у него не было, и она кормила его из шприца, как научили в роддоме. Он срыгивал, а она опять кормила – так часами. Как гулять с ним не выходила, людей боялась. Как из окна с сыном чуть не выбросилась. Жить-то как и на что? Но что-то остановило ее.

– А я, Лен, сидел, слушал все это, и мне казалось, что я прикоснулся к чуду, – говорил отец Евгений. – Вот грешница передо мной, выдавшая виды, прожженная, всеми презираемая, нами – такими чистыми, порядочными. А ведь шелуха все это, случайное, наносное. Под этой грязью – сердце светлое, доброе. Смелое сердце, которое не побоялось ношу такую на себя взвалить. Ни на секунду ведь не задумалась она аборт сделать или бросить своего Мишутку. А ведь никто от нее не ожидал. Как же мы ошибаемся в людях, Лен. Как ошибаемся! Это так страшно! Душа какая у нее! Больная, а живая, любящая! И я со своим: «Нагрешила...» Ох,

Господи!

А еще вспоминал отец Евгений слова своего старенького духовника из Лавры: «Сначала полюби, образ Божий в человеке увидь, а потом учи! Слышишь, сынок! Полюби! Самого последнего грешника! Тогда сердце тебе правильные слова подскажет, не казенные. Мы же, священники, иногда что-то умное, духовное скажем и пошли своей дорогой. Дела, тьбы. А боль и горе человека не видим. Прошли мимо этой боли и забыли. И пропал человек. Окаменела душа. А ведь он к нам как ко Христу пришел. Всегда помни об этом! Не дай Бог мимо горя пройти, оттолкнуть. Не дай Бог!»

* * *

На следующий день несколько женщин из храма отца Евгения убирались в Веркиной захламленной квартире. Рассказал он им все. Кто-то принес старенькую детскую кроватку, белье, ползуночки. Матушка Ирина отдала коляску. Скинулись на памперсы, на питание. Медсестра Валентина Петровна, прихожанка, через день заходила проведать Мишутку. Девчонки с клироса забегали с ним погулять.

Верка сначала все больше лежала и плакала. А потом начала в себя приходить. Подолгу на руках с сыном сидела, что-то говорила ему. Целовала в невидящие глазки, в изуродованное лицо. Ловила мимолетную его улыбку. И страшно ей было, и хорошо. Что-то незнакомое, горячее подкатывало

к горлу и заставляло биться сердце. Она наконец была нужна. И был тот, кого она любила.

– Да, любовь всем нужна, – повторил отец Евгений.

* * *

...Мишутка умер в десять месяцев. Рано утром. Так же у Верки на руках. Когда в обед зашла к ним Валентина Петровна, она все так и сидела с ним. Что-то бормотала и целовала, целовала. В глазки, в носик. Еле забрали у нее маленькое тельце.

Хоронил мальчика приход. Верку увезла скорая. Подумали все, что сошла она с ума.

– Но ничего, через месяц выкарабкалась, – рассказывал отец Евгений. – Мы ее сначала у себя с матушкой поселили. Все равно боялись, что сделает с собой что-то. В храм с собой за ручку водили. Одну не оставляли. А потом она домой ушла. На рынок свой вернулась. Но в церковь приходила, в трапезной помогала. На могилку каждый день бегала. К тому, кому она была нужна. И кто ей был нужен. Иногда срывалась, пила. Много всего было за это время. Больше десяти лет прошло. Долго рассказывать.

– А сейчас она как? Посмотреть бы на нее.

– Так ты же ее видела.

– Я?

– Помнишь, в прошлом году к отцу Димитрию в село на

храмовый праздник ездили? Она же тебя своими варениками угощала... Что глаза-то вытаращила? Верка это была.

...Я вспомнила ту женщину. Полную, красивую, тихую. Мирную. Да, она была именно мирной. Рядом с ней было тепло. Отец Димитрий тогда хвалился, что Вера – их храмовый повар и лучше во всей епархии не найти. Мужа ее вспомнила, тоже тихого, молчаливого. Вроде Игорем звали. Он староста в храме. И трое пацанов у них.

– Это его дети. Он вдовец. Как-то заехал к нам на приход, и приглянулась ему Верка. Она долго поверить не могла. Грязной себя считала, потаскухой. Да и люди шептали ему: «Ты что, она же...» Но упрямый он, не слушал никого. Теперь вот семья. Молчун он, тихий, но не дай Бог кому косо на жену взглянуть. Да и не смотрит никто. Забыли все давно. Только я вот помню. И стыдно мне, и больно. Прошел я тогда мимо Веркиного горя. И если бы не Лидия Ивановна, что было бы? Страшно, Лен! Страшно! Как же легко погубить человека! Просто пройдя мимо. А у него же тоже душа, у самого пропащего грешника. Увидеть ее надо – душу эту. Легко погубить, да. Но и спасти легко. Как Лидия Ивановна. Просто согреть. Поплакать вместе. Не на шелуху смотреть, а на сердце. Не побояться испачкаться. Сердцем сердца коснуться. Полюбить. Любовь меняет все. Жизнь, мир, судьбы. Она все может. Главное – не оттолкнуть!

Из жизни сельского батюшки

Отец Купидон, Володька Поцелуй Смерти и богиня молодости и любви

У же много лет отец Димитрий – настоятель небольшого сельского храма. Мы давно дружим, и в каждый мой приезд в те края батюшка приглашает меня к себе в гости. Матушка его печет свой коронный пирог, и за чашкой чая (а иногда и не чая, и не чашкой) он рассказывает свои удивительные истории. О разных людях, судьбах, о себе. О Промысле Божиим и настоящих чудесах. О любви Господа к нам. Историй у отца Димитрия много – он уже больше двадцати лет священник. И он даже начал записывать их в большую тетрадь. Истории эти разные – иногда грустные, иногда смешные. Батюшка вообще любит пошутить и посмеяться. Большой частью над собой. Очень мне в нем это нравится – умение над собой посмеяться.

Много рассказывает о своей священнической «молодости».

– Служил я тогда не здесь, а в городе. Горел, мечтал, как буду хорошим священником. А Господь смирял. Постоянно попадал в какие-то совершенно невообразимые ситуации. И

смех, и слезы...

Да... Было такое. Я об этом тогдашнем таланте отца Димитрия «вляпываться» не только от него знаю. Хотя сколько лет уже прошло. Местное духовенство над этим тогда посмеивалось. И после некоторых событий, о которых я расскажу чуть позже, называло его между собой «отец Купидон». И сейчас нет-нет да и вспомнит кто-то о делах давно минувших дней.

Батюшка об этом прозвище знал, сам мне и рассказывал. Доброжелателей-то в церковной среде много, да и епархия была маленькая, провинциальная. Ну и как везде – на одном конце что-то произойдет, на другом уже все знают. Верующие – те же люди, так же любят поболтать. Но он был не в обиде. Другой его талант, как я уже сказала, – это отменное чувство юмора и умение посмеяться над собой.

* * *

Повезло несказанно отцу Димитрию, что владыкой в той епархии был тогда всеми любимый митрополит Феофилакт, покойный уже. Было ему уже много лет, и он очень хотел на покой. Ходили слухи, что старенький владыка каждый Божий день молил Господа, чтобы Тот его помиловал и освободил от этой должности. И к церковному начальству слезно зывал: «Немощен я стал, немощен... Не по силам мне вся эта администрация». Но начальство и Господь были непре-

клонны.

А священники местные радовались. Любили они своего владыку – добрый он был. Рассказывают, что когда отец Феофилакт помоложе был, часто объезды своих «владений» совершал. В отдельных епархиях такие визиты начальства стихийному бедствию подобны, а здесь их ждали как праздника. Увидит, что старухе какой одинокой трудно живется, – денег даст. Многодетному священнику, у которого старый драндулет сломался, машину подарит. Во все вникал, всем старался помочь.

Но иссякли силы. А доброта осталась. С духовенством был мягок, с паствой – отец родной.

Вот и отца Димитрия после очередного его священнического пердимонюкля¹ только журил по-стариковски: «Ох, отец Димитрий, отец Димитрий, тихо раньше было в нашей богоспасаемой епархии, спокойно. Вот, помню... А с тобой сплошная ажитация. Ты уж это... Постарайся, милый, чтобы в последний раз...» И кротко его крестил.

И отец Димитрий очень старался. Но, видно, судьба его такая – пердимонюкли.

* * *

Только его и никого другого угораздило однажды во дни

¹ Нечто вызывающее удивление.

святок, когда его знакомые прихожане колядки попеть позвали (а любил он это дело, голосил, как соловей), двери перепутать. И вместо праздника ворваться с ликующими песнопениями на похороны.

А дело было так...

Позвонили ему те прихожане и сказали:

– Улица такая-то, дом такой-то, этаж пятый. Мы дверь приоткрытой оставим – заходите, батюшка, не стесняйтесь. Посидим, выпьем по-христиански, закусим. Пост-то закончился. Попоем колядочки. Вы уж не откажите, освятите собой, так сказать, нашу грешную трапезу. Мы ж к вам со всей душой.

И отец Димитрий к ним со всей душой. Поднялся он в назначенное время на этот злосчастный пятый этаж, видит: обещанная дверь приоткрыта, а за ней – ни звука.

– Не празднуют еще, меня ждут, – решил он и растрогался.

Набрал в легкие побольше воздуха, толкнул ногой дверь, ворвался уверенно и заголосил что есть мочи:

Добрий вечір, тобі,
Пане господарю.
Радуйся, ой радуйся, земле,
Син Божий народився.
Застеляйте столи,
Та все килимами.
Радуйся, ой радуйся, земле,

Син Божий народився...

И звездой Вифлеемской на палке потрясает – в воскресной школе взял. Детки к празднику смастерили.

Смотрит: посреди комнаты и правда стол стоит. Люди сидят. Только на столе вместо выпивки и закуски – гроб с покойничком, старичком древним. И тишина.

Колядка у несчастного отца Дмитрия так костью в горле и застряла. Таращится он на скорбящих, скорбящие на него... Какой-то молодой качок уже кулаки сжимает – перемолился никак батюшка, рамсы попутал².

И влетело бы ему, наверное, но на его счастье за столом вместе с безутешными родственниками его знакомый, я бы даже сказала, дружественный похоронный агент сидел, Володька. Владимир Петрович, по прозвищу Поцелуй Смерти. Работа у него такая – где покойнички, там и он. Отца Дмитрия собой прикрыл, все быстро выяснил, и оказалось, что колядки в квартире напротив поют. Только дверь открыть забыли. А здесь не забыли – ждали желающих с дедушкой проститься.

Начал батюшка извиняться – искренне, слезно. Крестился покаянно, к двери пятился. Горе-то чужое понимает. И ужас ситуации. Простили его скорбящие – с кем не бывает. Но кто-то все равно в епархию владыке Феофилакту письмо написал: мол, что за безобразие, никакой у вашего духовен-

² Ошибся, не разобрался в сути дела (*жарг.*).

ства эмпатии, примите карательные меры.

Владыка, как всегда, вздыхал и ворчал по-стариковски: «Давай уж, отец Димитрий, постарайся, чтобы в самый последний раз...»

* * *

О Володьке по прозвищу Поцелуй Смерти считаю нужным рассказать отдельно. Тем более что с ним у отца Димитрия связана еще одна история, обросшая со временем реальными и вымышленными подробностями и превратившаяся в местную легенду...

Похоронное дело Володька любил. Нет, правда. Не бывает человека без таланта. Так вот, он был настоящим гением ритуального бизнеса. Идейным. Все время повторял: «Смерть – это единственное, что точно случится с каждым из нас. В ком в ком, а в ней можно быть уверенным. Она не предаст. Так давайте же встретим ее торжественно!»

Везде, где кто-нибудь планировал расстаться с жизнью, была у него сеть своих информаторов. И мимо него в этом деле даже муха не пролетала.

Умел он обставить все красиво. И безутешные родственники всегда были уверены, что лучше, чем их дорогого покойного, в последний путь еще никто никого никогда не провожал. А все потому, что повезло ему в этот трагический миг попасть в заботливые, ласковые руки Владимира Петровича.

Скорбящим ни о чем не надо было волноваться, только несуетливо и чинно-благородно оплакивать свою утрату.

Был он психологически подкованным, умеющим, когда нужно, поддержать рыдающих понимающей ритуальной слезой, а когда необходимо – ободряющей, сдержанной, приличествующей случаю улыбкой. И деньги, к слову, он за свои услуги драл не бессовестно – меру знал.

Но самым главным было то, что все старики и старушки в округе заранее мечтали, чтобы после кончины их бездыханными телами занимался именно Володька Поцелуй Смерти. А люди обычно об этом стараются раньше времени не думать. Вот в этом действительно был его талант – клиентура у него была «завербована» задолго до ее упокоения. А все потому, что изящные подходы к людям имел.

В общем, для других агентов этого дела был он серьезным конкурентом. Кто-то из них даже разорился.

Как Володя «работал» с будущими покойничками, мне сам отец Димитрий рассказывал. Он был его давним прихожанином.

К слову, они учились вместе в школе и давно дружили. И даже деятельность выбрали в какой-то степени схожую. Готовили население богоспасаемого городка N к жизни вечной. Только один занимался душами, а другой – телами.

Поцелуй Смерти всегда приходил на службу заранее, чтобы успеть со всеми поздороваться, перекинуться парой слов, о жите-бытье расспросить. Особо внимателен был к бабуш-

кам. Понятное дело – потенциальные потребители его услуг.

– Аглаюшка Викторовна, дорогая, очень рад, очень рад. Как здоровьице? Давление не шалит? Ой, да что вы такое говорите-то? Вам еще жить и жить. Румянец вон как у девочки.

И к ручке приложится. А Аглаюшка Викторовна и рада. На зеленоватых девяностолетних щеках и вправду от удовольствия румянец проступает, если внимательно приглядеться.

– Лидочка Ивановна, кого я вижу! Сердечно приветствую! Ой, вы как солнышко, аж глаза слепит. Позвольте щечку бархатную поцелую... Как супруг ваш драгоценный? Выздоровел? Да? Точно? Счастье-то какое! А мамочка моя ему настоечку на вишневых веточках приготовила, вечером занесу...

– Ефросиньюшка Степановна, драгоценная моя, а что это мы грустим? Последний зуб выпал? Ой, да на что вам тот зуб при вашей-то красоте? Голубой цвет платица вам очень к лицу. Я для вас, кстати, платочек недавно прикупил. Как раз в тон. Нарядим вас, еще замуж выскочите... В обед забегу.

И ткнется влажными губами в угол Ефросиньюшкиного беззубого рта, бесконтрольно расплывающегося в мечтательной улыбке.

Так он всех своих старушечек обходил, всех приветливо чмокал – кого куда, всем внимание уделял. Стариковские их рассказы уже давно, изо дня в день об одном и том же терпеливо и почтительно слушал. А кто их еще выслушает-то?

И любили бабулечки своего похоронного агента. Если при жизни так он к ним внимателен, то и потом сделает все по-Божески, не схалтурит. И родным строго-настрого наказывали, в час их последний, роковой, только к Владимиру Петровичу обращаться. Ну помимо бабушки, конечно.

– Иначе с того света достанем!

А те, кто совсем уже в летах были и только чудом на этой грешной земле задержались, даже свои будущие похороны с ним обсуждали. И Володька увлеченно рассказывал, кому из них какой колор и фасон ритуального наряда к лицу лучше будет. Был он большим эстетом. А они и радовались как дети. Женщины же – о красоте всегда думают...

* * *

А теперь, собственно, история, в которую влип вместе с похоронным агентом мой многострадальный отец Димитрий...

Будучи прихожанином отца Димитрия, Володька всех своих православных покойничков городка N отправлял на отпевание именно к этому бабушке.

– Вы себе не представляете, – щебетал Володька безутешным родственникам, – как он молится, как молится! Усопшие лежат не нарадуются. Им при жизни столько хорошего не говорили, сколько отец Димитрий, в последний путь их провожая. И ведь от сердца все, от сердца своего христиан-

ского, трепещущего (а отец Димитрий и правда от сердца, хорошее оно у него, неравнодушное). Ну что, в этом храме обрядик совершим или какой другой на примете есть?

А зачем родственникам другой храм, если даже усопшие не нарадуются?

Другие батюшки из городских храмов ворчали: статья дохода теряется. Но смирились, – гордым ведь Бог противится, а смиренным дает благодать.

В общем, все было у отца Димитрия временно хорошо (долго хорошо в те времена у него не было никогда), но однажды случилось несколько трагических совпадений.

Друг его Володька с одной старушкой на службе пообнимался – к вечеру преставилась сердечная. Вторую поцеловал приветливо – та же история. У третьей к ручке приложился – еле откачали всей реанимацией.

Кто-то эту закономерность заметил, и началось:

– Не простой у Володьки поцелуй – поцелуй смерти! (Отсюда и прозвище пошло.) Две сразу окочурились, а третья чудом выжила. Не хватило на нее летальной агентовой энергетики. Вся на первых двух ушла. Заклинание какое он знает, слово петушиное? И через поцелуй передает... Нечисто тут дело, нечисто... Тонкая психологическая закавыка!..

Дальше кто-то что-то вспомнил, кому-то что-то померещилось, чего и в помине не было. И выходило, что Володька – ведьмак-чернокнижник, а отец Димитрий у него на подхвате. Чтобы колдовскому делу благочестивый вид придать.

В общем, гоголевщина в чистом виде. Люди-то в городе простые, бесхитростные. Вера с язычеством в их чистых душах прекрасно уживается.

Быстро страшные вести по округе разнеслись – провинция.

Некогда уважаемый Владимир Петрович по улице идет – от него все шарахаются. Не дай Бог, поцелует приветливо – тут же ласты и склеишь. Отца Димитрия тоже сторонкой стали обходить – с убийцем же в стоворе. Благословит – кондрашка хватит.

Не все, конечно, так думали, но были отдельные индивиды, не лишённые творческой фантазии. А кто-то даже не поленился и владыке в очередной раз написал.

Старенький владыка Феофилакт в третий раз перечитывал письмо и тщетно пытался постичь суть. Как неповторимый образец эпистолярного жанра, его позже скопировал и сохранил для благодарных потомков коварный епархиальный секретарь отец Иоанн. Гласило оно буквально следующее:

«Владыченька наш святой! Рискуя жизнью, доводим до Вашего спасительного сведения, что город наш N постигла страшная беда. Оставил нас Господь, ох, оставил. А все за грехи людские, нераскаянные. Девки кругом с полуголыми бесстыжими местами и бесовскими письменами на лице. Воистину последние времена! Апокалипсис грядет, на пути своем все сметая. Но не это главное! Околдовали лю-

дей демоны, владыченька! А все они – шаман Володька, похоронный агент, и подельник его Димитрий. Даже язык не поворачивается отцом-то его назвать. Как проглядели-то Вы его, как храм Божий доверили оборотню в рясе? Умерщвляют православный народ, убивцы. Да всё лаской и поцелуями плотоядными...»

Ну и дальше, согласно челобитной, схема вырисовывалась та, о которой я уже писала. Один всех зацеловывает до смерти, а второй отпевает – уж рука устала кадилом махать. Корыстно гребут деньги лопатой. И редет население городка N не по дням, а по часам...

Вконец отчаявшись, владыка позвал своего секретаря:

– Иоаннушка, будь добр, о чем тут речь? Что за ужасы у них творятся?

Отец Иоанн пробежал глазами по аккуратно исписанному листку и еле сдержал предательский смех.

– Владыка, да может, не стоит вам и читать-то?

– Нет, ну как не читать. Люди же старались, писали. Ты лучше объясни по-человечески. Что за демоны с поцелуями и девки какие-то?

Отец Иоанн, к счастью, в курсе всего был, рассказал владыке аккуратно, как мог. Но тот аж за сердце схватился.

– Едем-едем, милый, туда. Прямо завтра на службу и едем. Надо же успокоить народ. Ох, отец Димитрий, отец Димитрий... опять его угораздило...

Как мог, утешил владыка Феофилакт население городка

Н. Проповедь хорошую сказал – про язычество и христианство. Про Промысл Божий. С паствой пообщался. Отца Дмитрия пожурил, как водится, в сторонке:

– Давай уж, батюшка, постарайся, чтобы в последний раз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.